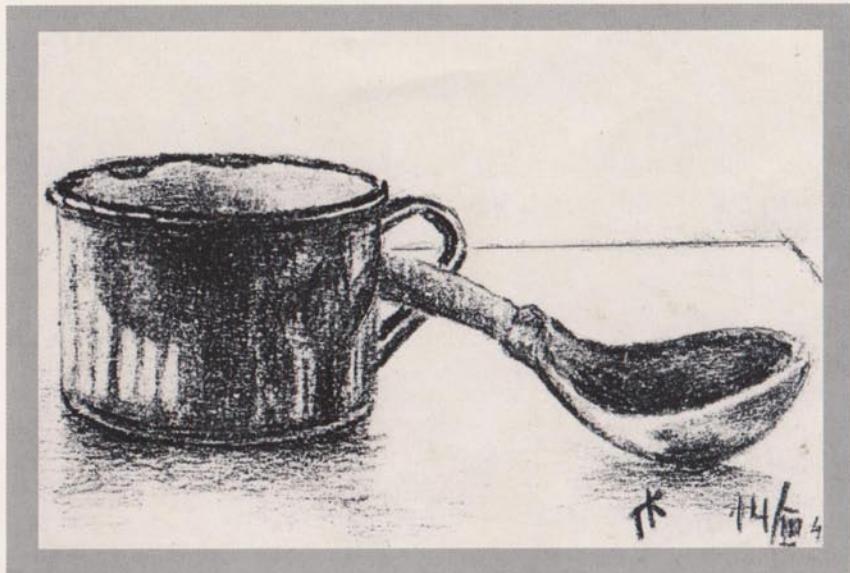

Павел Каличенко

ВОССПОМИНАНИЯ
СОЛДАТА

Родился 7 июля 1922 года в г. Харькове. В 1940 г. закончил среднюю школу и в октябре был призван в Красную Армию.

Великую Отечественную войну встретил в 93-м отдельном артдивизионе малокалиберной зенитной артиллерии в Пуще Водице. В сентябре 1941 г. попал в киевское окружение, был ранен, взят в плен. После побега из плена перешел линию фронта и направлен на излечение. С февраля 1943 г. - в штрафной роте. В боях за освобождение Харькова ранен осколком в ногу. Добрался домой, где подпольно был прооперирован. После выздоровления устроился на работу в пожарную часть, а вскоре вывезен немцами из Харькова в Югославию. С января 1945 г. снова в строю. В боях за освобождение Венгрии ранен в третий раз. После излечения служил в Румынии. Демобилизован в декабре 1946 г.

В 1961 г. закончил вечернее отделение ХИСИ. Работал геодезистом в институтах "Гипросталь", "УкрНИИгипросельхоз". После выхода на пенсию в 1982 г. поступил работать в ХИИКС. В 1996 г. окончательно расстался с производственной деятельностью.

Награжден орденами
"За мужество" III ст. и
Отечественной войны II ст.

В книге Павла Семеновича Каличенко ярко и правдиво рассказано о службе рядового солдата в 1940 - 1946 гг. Автор, трижды раненный и дважды побывавший в плену, пройдя Особый отдел и СМЕРШ, сумел не сломаться от тягот и невзгод военного времени. Его рассказ похож на исповедь, за которой внимательный читатель увидит полотно советской эпохи такой, как она была, детали фронтового быта на войне, в плену, госпитале, в оккупированных Румынии, Венгрии, Югославии.

Рассчитана на массового читателя.

Издание подготовлено к печати
при спонсорской поддержке
издателя Мачулина Л.И.
тел./факс 705-27-56

Павел Каличенко

Мемуары в историческом контексте конца ХХ века

ВОСПОМИНАНИЯ СОЛДАТА

ХАРЬКОВ

ХНАХ

2006

I. Первое ранение

Эх, дороги... Пыль да туман,
Холода, тревоги, да степной бурьян.
Выстрел грянет, ворон кружит:
Твой дружок в бурьяне неживой лежит...

Лев Ошанин

Каждый год с наступлением сентября меня охватывает щемящее чувство тревоги, тоски, и хотя прошло уже более 60 лет, боль по утраченному, по бессмысленно погибшим товарищам, продолжает ощущаться до сих пор.

А шестьдесят лет назад к этому прибавлялась еще и физическая боль в руке, пробитой осколком. Вдобавок я застудил ее, «купаясь» в реке. Осколок величиной с горошину перебил нервы, и все пальцы, кроме мизинца, потеряли чувствительность. Позже меня много раз проверяли не симулянт ли я, кололи иголкой и даже прижигали пальцы сигаретой – я их не чувствовал. Большой и указательный пальцы не восстановили чувствительность и до сих пор...

Я не собирался писать «военных мемуаров». Моя военная карьера не представляет никакого интереса и хвастаться мне нечем, ведь моя история с пленением сорок последующих лет ставилась мне в укор, и только настойчивые просьбы товарищей заставили меня взяться за перо... Когда я начинал записывать свои воспоминания, думал, что опишу только первые месяцы войны. Так вышло, что они выросли в документальную повесть, все события и действующие лица в ней подлинные и описаны в хронологическом порядке. Немногие дожили до сего дня, ведь я рассказал о своих ровесниках, то есть о солдатах 1921-23 годов рождения. Их по статистике осталось в живых два-три человека из ста. К примеру, из нашей группы в 14 человек, переведенных в Киев за двенадцать дней до начала войны, в живых остались только двое: Кишкин В.Г. и Наседкин П.С.

* * *

Нас было пятнадцать, точнее четырнадцать солдат и один сопровождающий. Он тоже был солдат, но на три года старше, призван в армию с третьего курса института и тем среди нас значительно выделялся.

Мы же, 14 «гавриков» все были со средним образованием. Всем только исполнилось 18 лет, все были харьковчане. 10 июня 1941 года, утром, после завтрака, нас построили в казарме и зачитали список. Тем, кто был в списке, объявили, что они переводятся на новое место службы.

В шесть часов вечера мы прибыли на вокзал г. Коростень Житомирской области, где проходили службу. Нам было не жаль расставаться с Коростенем. Хотя мы уже прослужили восемь месяцев и должны были бы привыкнуть и втянуться в ритм армейской жизни, – ведь это был учебный дивизион и в перспективе каждый из нас должен был стать командиром («офицером» тогда не говорили), - но служба казалась тяжелой. Угнетало отношение к нам младших командиров.

Наш Отдельный артдивизион носил в названии еще буквы ОМ и РГК, что означало: Особой мощности, Резерва Главного Командования. У нас на вооружении стояли тяжелые гаубицы калибра 11 дюймов (280 мм), хорошо поработавшие в недавно закончившейся войне с Финляндией. Как известно, потери наши в ней были гораздо больше финских. А уж уцелевшие автоматически становились младшими командирами.

Так, командиром отделения был младший сержант Баглай, бывший вор, выпущенный из тюрьмы в связи с просьбой отправить его на фронт. Образование - 3 класса. Он часто собирал вокруг себя в курилке группу солдат и рассказывал им о своих «похождениях». К примеру, о том,

как вместе с напарником грабил беспечно спящих пассажиров поезда, сложивших свои вещи на верхние багажные полки. Они перебегали по крышам вагонов и через открытые окна вытаскивали особыми крючками мешки и чемоданы. При этом один лежал на крыше, а другой держал его за ноги, потом они оба спрыгивали на ходу с добычей.

Помкомвзвода старший сержант Ковтун и старшина батареи Мынтяк имели образование 5 классов. Они чувствовали свою ущербность в этом отношении и всякий раз нам об этом напоминали. Старшина, выдавая обмундирование, «нечаянно» давал один сапог 42-го размера, а другой – 41-го. А на жалобу солдата, что «нога не влезит», говорил, что у того ноги разные или упрекал, как же он не видел, что на одном – 42, а на другом – 41: «А еще грамотные, 10 классов кончили». Старшина на вечерней поверке говорил: «Что вы спёте в строю?» А младший сержант в воскресенье объявлял: «Сегодня полы будут мыть все, за исключением никого!»

Война с Финляндией показала нашу неподготовленность, и поэтому когда нас призвали в армию в октябре 40-го года, были введены новые порядки: ужесточилась дисциплина, увольнительные в город давались только отличникам боевой и политической подготовки, а я таковым, например, не являлся, поэтому и в городе Коростене ни разу побывать мне не довелось.

Раз в неделю у нас был «сухой паек». Утром в столовой давали черпак сухой пшеничной каши, сухари и чай, в обед – «суп-пюре гороховый» – безвкусный клейстер, пшеничную кашу, а на ужин – то же, что и на завтрак.

В шесть утра объявлялся «подъем». Нужно было одеться и встать в строй без гимнастерок и головных уборов за одну минуту. На это ушло несколько воскресений тренировки. Только и слышно было: «Подъем!», «Отбой!»

Строем выскакивали в любую погоду во двор, в туалет, оттуда на плац, на физзарядку. Затем в казарме умывались, застилали постели и через 40 минут шли в столовую строем и с песней.

Раз в 10 дней водили строем в баню и меняли белье. Приучали к холоду.

Однажды под Новый, 41-й год, мы были на стрельбище в 30-ти километрах от Коростеня. Возвращались усталые и голодные. Не доходя до моста, уже в городе, вдруг команда: «Стой! Напра-во!» и, задрав шинели вброд через речку Ужик! Речка была не широкая, но вода в ней – коричневого цвета (выше по течению стоял скипидарный заводик). По пояс вброд, в сапогах, потом бегом в казарму...

Правда, там нас ждало сухое белье, обмундирование и сытый ужин. И только, улегшись в постели и согревшись, вдруг услышали чей-то голос: «Хлопцы! С Новым годом!». Никто не заболел. Как я позже узнал, подобные «купания» практиковались и в других частях. Мой товарищ Володя Михайлов служил в Литве в городе Мариамполе., После такого «купания» он получил воспаление легких и 17-го января умер. Об этом мне сообщила его сестра в письме.

В течение дня нас ждала очень тяжелая работа в артиллерийском парке. Орудие состояло их 4-х частей, собрать его и изготовить к стрельбе нужно было по нормативу за два часа. Правда, после восьмимесячной тренировки огневой взвод, состоявший из 23 человек, управлялся с этой работой за 50-55 минут, но при этом выматывались до изнеможения, ведь вес орудия в собранном виде составлял около 20 тонн.

Я до сих пор не могу с уверенностью сказать, как попали к нам эти орудия 1915 года выпуска системы Шнейдера. Скорее всего, были сняты где-то с береговой обороны. Для их установки сначала копалась яма 2 на 3

метра, на неё накатывалась платформа, на платформу устанавливался станок, потом «люлька», потом тело орудия, и всё это делалось при помощи гидравлических домкратов.

К орудию прокладывались узкоколейные рельсовые пути, по которым на специальной тележке подавались снаряды: «большие гранаты» весом 18 пудов и «малые гранаты» весом 12 пудов, соответственно почти 300 кг и 200 кг. Стоимость одного выстрела в то время приравнивалась к стоимости трактора ЧТЗ.

Нам рассказывали, что в Финскую кампанию 39-40 года, чтобы разрушить любой финский ДОТ (долговременную огневую точку) достаточно было четыре прямых попадания снаряда и 15-ти сантиметровый стальной колпак и 2-х метровая бетонная стена были разбиты. Правда, чтобы получить 4 прямых попадания расходовалось до 60 выстрелов...

За время службы в Коростене мы несколько раз ездили на стрельбище на Игнатпольский артполигон, что в 30 километрах севернее города, один раз с боевыми стрельбами. Мы проходили эти тридцать километров с одним привалом посередине пути, где был глубокий каменный карьер. Там, под усиленной охраной, работали военнопленные польские офицеры. Глубоко внизу, на самом дне, они дробили камень, а наверху, по краям карьера, находилась охрана. Близко подходить к карьеру и общаться с ними нам запрещалось. Передохнув полчаса, мы шагали дальше.

Как ни странно, но вместе со мной служили и солдаты с дефектами зрения и здоровья. У Погорелова была такая близорукость, что когда он писал письмо, то нос вымазывал в чернила (очки ему выдали только через полгода службы). Беляев страдал косоглазием, а грузин Палавандишвили - плоскостопием, Леня Экслер сильно заикался, Борис

Витензон был глуховат. Все они были призваны как здоровые для прохождения воинской службы.

И вот мы едем. Поезд был дачный, колеса постукивали на стыках рельсов, мы лежали на голых полках и соображали: «К добру это или не к добру?». Когда поезд тронулся, сопровождающий сообщил, что едем мы в Киев.

Каждый воспринял это по-своему. Я обрадовался, так как там жила родственница – жена недавно умершего маминого брата. Можно было надеяться на встречу с ней. Хотя особых причин для радости не было. Служба у меня как-то не заладилась с начала. Мы питались в столовой три раза в день, но на случай выезда на артполигон старшина выдал всем новенькие алюминиевые котелки. Круглые, двухлитровой емкости, они стояли на полочке, специально устроенной в казарме, слева от выхода. Мой оказался крайним у самой двери.

Через неделю к моему великому удивлению я обнаружил, что мой новенький котелок изнутри окрашен в темно-фиолетовый цвет. Исполненный благородного гнева, я побежал жаловаться старшине на то, что какой-то дурак выкрасил мой котелок изнутри чернилами. На что старшина спокойно ответил: «Та це ж я набрав у канцелярії собі чорнила», а потом прибавил, что за «дурака» мне два наряда вне очереди на кухню, а котелок вычистить и доложить. Я стал бормотать, что это несправедливо, что, «кто вымазал, тот пусть и чистит». На это последовал ответ: «Еще два наряда за пререкания со старшиной». Следующее взыскание от старшины я получил за плохо пришитый подворотничок, из чего сделал вывод: старшина приметил меня.

Однажды, в среду, а это был как раз день «сухого пайка», мы до самого обеда работали в артпарке, занимались установкой орудия в положение «к бою». Я уже говорил, что это была очень тяжелая работа, и мы при

этом выматывались очень сильно. Тарелка супа, похожего на клейстер, и ложка сухой пшеничной каши с сухарями никак не восполнили затраченной энергии. Мы шли из столовой усталые и голодные, на все приказания старшины «Запевай!» никто не запевал.

Проходим строем мимо казармы – команды «Стой» не последовало. Идем дальше, выходим на плац. «Запевай!» - молчим. «Запевай!» - молчим. Мы в гимнастерках, в шапках, в руках кружки и ложки. Маршируем по плацу. А ведь декабрь! У нас в батарее 12 человек грузин, смотрю – у некоторых уже уши побелели, а у кого носы и щеки. Вдруг команда: «Ложись! Попластунски!» Ложимся, ползем. Наконец кто-то не выдерживает и запевает «Сулико». Следует команда: «Встать! Бегом в казарму!». Старшина победил.

А финал этой истории был такой: десять из двенадцати грузин попали в санчасть с разными обморожениями ушей, щек, носов и даже пальцев рук. Все они написали коллективное письмо командиру дивизиона и в Киевский Особый Военный округ. Приехала «Тройка», был закрытый суд. Командир батареи написал старшине отличную характеристику и старшину лишили положенного ему отпуска, поскольку он «сверхсрочник». Жизнь продолжалась.

Кроме ежедневных занятий у орудия в артпарке, у нас были занятия в помещении по теории стрельбы и подготовке данных для стрельбы. С этим у меня проблем не было – математику я знал прилично, ведь по совету друзей я сдал документы и вступительные экзамены в УЗПИ в надежде, что если попаду в хорошую часть служить, может быть удастся и контрольные писать. Но этого, к сожалению, не случилось.

Были у нас и занятия по устройству и вооружению немецкой армии, как армии «вероятного противника»,

которые проходили в большой секретности - запрещалось что-либо записывать, конспектировать. Занятия проводил начальник штаба дивизиона. Он рассказывал нам о новом немецком пулемете МГ-39, о большой насыщенности войск минометами. Мы слушали молча. Однажды во время занятий солдат Ильяшенко решил черкнуть домой письмешко, на что немедленно последовал окрик: «Я сказал ничего не записывать! Встать! Как фамилия?!» Прочитав отобранный у солдата листок и убедившись, что это письмо домой, он уже спокойнее добавил: «Два наряда вне очереди».

Занятия по «политграмоте» вел старший политрук Меркулов. Это был щеголеватый молодой паренек, чуть старше нас, с розовыми щеками, которых еще не касалась бритва. Он рассказывал нам о счастливой и радостной жизни, о нашей советской культуре, о пролетарском писателе Александре Максимовиче Горьком. Я, конечно, прореагировал сразу и поправил его: «не Александр, а Алексей». Политрук изменился в лице, покраснел, потом побелел, но сдержался. После занятий ребята сказали, что он мне этого не простит. Так и случилось.

Недели через две, в воскресенье, после обеда, когда у нас было «личное время», я сидел в Ленинской комнате, лицом к окну, и пищикал на растерзанном баяне, пытаясь извлечь из него какую-то мелодию. Ребята сидели рядом со мной и тоже слушали мои старания; вдруг они все разом встали, а я продолжал пищикать. Когда обернулся, то увидел у дверей старшего политрука с красной повязкой на рукаве: ДПЧ – он был дежурным по части. Политрук закричал на меня: «Вас что, команда дневального – «Батарея, смирно!» - не касается?» Я ответил, что не слышал. На это он возразил, что я нахожусь в армии, а не у тещи в гостях и должен все видеть и слышать.

- А пока за нарушение дисциплины вам 8 нарядов вне очереди!

В часы отдыха. Автор - в центре с баяном

Кстати о «нарядах». Очень скоро мы узнали, что «наряд» да еще «вне очереди» это никакая не «одежда». Просто на кухню для приготовления пищи каждый день в помощь поварам требуется 15-20 человек разнорабочих: чистить картошку (а её в день уходит тонна, ведь готовят на 1000 человек!), нужно нарезать хлеб, раздать и убрать после еды, вымыть посуду и столы. И так сутки, почти без сна!

В подвале постоянно сидели 10 человек на чистке картошки. Работа нудная, можно петь песни. Особенно если выпадает дежурить с солдатом Танцурой — у него был чудесный голос — и ночь проходит незаметно; и посуду мыть — тоже неплохо, все время в тепле, но мне больше нравилось быть истопником. Все семь топок печей кухни — шесть котлов и одной плиты — выходили в пристроенный к кухне тамбур, шириной всего два метра. У наружной стены в тамбурах были сложены метровые поленья

березовых и дубовых дров, а в левом углу было окно. Оттуда слышались от повара команды: «Вторую, третью печь шурой, седьмую залей!». Дверцы топок были большие и метровые поленья легко помещались в топку. В свободную минуту я лежал на дровах, расстелив шинель, или рисовал деревянным углем над печами на побеленной стене. За «хорошую работу» повар иногда угощал чем-нибудь вкусненьким. Так проходил очередной «наряд» раз в месяц, а поскольку у таких как я, у «нерадивых», накапливались наряды «вне очереди», то им дежурить приходилось раз в неделю, а то и чаще.

Кроме нарядов на кухню или у знамени, мы ходили еще в гарнизонный караул раз в месяц по городу Коростеню. Так однажды я попал на дежурство на УР. Сначала ничего не понял - что и зачем охранять: какой-то холм, безлюдная местность на окраине города, обнесенная колючей проволокой, две протоптаные тропинки и чуть в стороне - грибок для часового, чтобы укрыться от дождя, и телефон под ним для связи с караульным помещением. Днем, присмотревшись, обнаружил, что этот холм искусно замаскирован - над ним натянута сетка из толстой проволоки, к сетке прикреплены коричневые и грязно-зеленые тряпочки, а под сеткой какое-то бетонное сооружение. Вот что такое УР - укрепрайон! Холм главенствовал на местности и при необходимости отсюда можно было вести огонь из пушек и пулеметов, простреливая обширную долину перед холмом. Позже я узнал, что сеть таких УР составляла линию обороны вдоль нашей западной границы до присоединения Западной Украины. Часть этих УР сослужила свою службу и в Великую Отечественную войну - немцы долго не могли прорвать нашу оборону в районе Коростеня.

Короче говоря, к седьмому месяцу службы я был «чемпионом» по нарядам. У меня их было 17 и мной

заинтересовался «особист» – старший лейтенант, ходивший по двору в черном кожаном пальто, заложив руки за спину и глядя себе под ноги.

Как-то в воскресенье, дневальный громко объявляет мою фамилию и передает приказ «явиться в штаб на 3-й этаж». Я твердо знал, что штабное здание двухэтажное и стал возражать, на что он мне на ухо сказал: «Там на чердаке есть каморка и в ней сидит «особист»». Так и получилось. Встретил он меня приветливо, предложил сесть, угостил папиросой и попросил рассказать все о себе: кто отец, кто мать, как служится. Я все ему откровенно рассказал, что «служится неважно», он посочувствовал и сказал, что я, как советский человек, должен помочь ему в одном деле. Я удивился и сказал, что вряд ли чем-нибудь ему помогу, ведь числюсь в составе «нерадивых». Он возразил, что это и хорошо – меньше будет подозрений. Потом сказал, что ему стало известно о каких-то антисоветских разговорах, якобы имевших место перед 1-м Мая. Я ответил, что ничего подобного не слыхал. «Ну, если услышишь, то ты должен будешь об этом сообщить мне. Псевдоним у тебя будет «Кирпичев». Записку с сообщением для меня передашь младшему лейтенанту Иванову. Но помни, что ты не один, и если другие сообщат о таких разговорах, а ты нет, то тебя будут считать сообщником».

«Вот влип, так влип!» – подумал я и стал сторониться людей. Как увижу, что разговаривают 2-3 человека, так сразу иду подальше от них.

И еще одно событие произошло у нас в Коростене. В феврале 1941 года, в воскресенье, утром по тревоге нас поднял сам командир батареи лейтенант Сиденко. Он объявил, что к нам прибывает пополнение, а мы не готовы его принять, поэтому следует срочно освободить первый этаж нашего трехэтажного здания казармы, а на втором и

третьем этажах сдвинуть по две кровати вместе и перестелить на троих или сдвинуть по три кровати и перестелить на пять человек. К обеду приказ был выполнен. Прибывших из запаса поселили на первом этаже, а мы в первую же ночь почувствовали неудобство. Форточки в окнах разрешили открыть только с одной стороны, чтобы не было сквозняков, а количество ног, сапог и портнянок увеличилось в полтора раза. Многим солдатам, в том числе и мне, требовалось хоть раз за ночь сбегать в туалет, а он был во дворе, и вот тут то при возвращении со свежего воздуха чувствовалась большая скученность людей. Приходилось, скинув в коридоре шинель, бежать, не дыша, на свое место и только нырнув под одеяло вдыхать свой родной запах.

Однако усталость заставляла забывать все неудобства. Было ли это увеличение боеспособности дивизиона? Ведь прибавилась только «живая сила», а пушки остались те же. Или это был пресловутый день «М», о котором впоследствии писал беглый шпион Резун, он же Суворов в своей книге «День М», то есть день тайной мобилизации, якобы необходимой Сталину для нападения на Германию. Кто знает...

* * *

А поезд продолжал отстукивать километры, подолгу стоя на станциях. Мне пришли на ум лермонтовские строки: «... подальше от твоих пашей, от их всевидящего глаза, от их всеслышащих ушей».

Рано утром мы прибыли в Киев. Наш сопровождающий по фамилии Лобов хорошо знал город и мы недолго искали часть. Помню, что она находилась в лесу в Пущей Водице, в бывшем тубсанатории. Часть занимала несколько одноэтажных домиков. Приняли нас приветливо. Командир вновь организуемого артдивизиона МЗА (малокалиберной зенитной артиллерии) – старший

лейтенант Монзенко – назвал нас «старослужащими, составившими основное ядро новой части». Несколько в стороне стояла рота солдат. Видно было, что они недавно в армии: гимнастерки почти у всех были в сборку на животе, пилотки надеты, как попало, у некоторых – поперек головы. «Это майский набор» - продолжал он – скоро месяц, как они в армии, все из Куйбышева и области. Вам предстоит ими командовать».

Затем он показал нам тоненькую книжку и сказал, что сначала нам самим надо тщательно изучить «Наставление по стрельбе из пушки 37 мм МЗА». Я и Виктор Кишкин, тоже харьковчанин, студент 2-го курса, вызвались начертить тушью на ватмане в увеличенном виде «Взаимодействие частей и механизмов». Мы сделали все в лучшем виде и даже в красках, за что получили первые благодарности от командира дивизиона и увольнительные в город. Было воскресенье, 15 июня.

Мы начали обучение. Пока у нас была одна пушка и пять деревянных снарядов для тренировки. Мне достался взвод управления: полевой планшет воздушного наблюдения, буссоль для привязки батареи к странам света и дальномер с однометровой базой.

Все было хорошо. Мы быстро разобрались и научились работать с приборами, жаль только, что мирного времени нам была отпущена всего одна неделя.

Утром 22-го июня нас подняли по тревоге в 4 часа. Вокруг непонятная беготня. Мы поймали пробегавшего мимо Уманского, одного из наших 14-ти. Его на второй же день по прибытии за красивый почерк взяли писарем в штаб. Он сказал коротко: «Война» и побежал дальше. В конце дня привезли еще три пушки и боекомплект снарядов - 3600 штук. На третий день войны поставили на «точку», на Владимирской горке, на какое-то маленькое кладбище, и начали мы стрелять.

Кладбище было старое, заброшенное. Оборудуя огневые позиции для пушек, мы его всё исковыряли. Старшина привез в термосах обед, мы набрали в котелки, расселись на могилах и стали есть. Я поставил котелок с кашей на надгробную плиту и перешагивая через нее, случайно опрокинул котелок, стал собирать кашу и вдруг прочитал на плите: «спи спокойно, дорогой сынок», — я вздрогнул: не ко мне ли обращаются из загробного мира?..

Командиром батареи был лейтенант Гоциридзе, замечательный человек, грамотный и строгий командир. Наши вопросы и его ставили в тупик. Стрелять — по кому? Самолетов летало много, но чьи они? А вдруг наши? Часто в небе поднималась кутерьма — все небо в цветных фонариках (наши снаряды все были трассирующие), самолеты разворачиваются, снижаются, а на крыльях — красные звезды! Кто дал команду? Да ведь все стреляли!..

Наконец, на 10-й день войны, привезли и раздали альбомы с силуэтами немецких и румынских самолетов. Нашу батарею перевели на Труханов остров, на восточную сторону Днепра. Оборудовали огневые позиции возле железнодорожного моста на Дарницу и потекли боевые будни.

Две из четырех пушек батареи были установлены по одну сторону от железнодорожной насыпи, а другие две — по другую. Они имели телефонную связь и действовали синхронно. Было отрадно смотреть, как шарахались в сторону немецкие самолеты от летящих на них трассирующих снарядов из наших пушек, и хоть каждый из них был весом всего 720 грамм, но вред мог причинить большой.

Как-то командир батареи приказал осмотреть вокруг местность, на случай высадки немецкого десанта. В двух-трех километрах к востоку, мы обнаружили плантации клубники села Вигуровщина и работавших на них женщин.

Они угостили нас клубникой. На другой день мы захватили с собой котелки, чтобы угостить товарищей. Это пиршество продолжалось три дня. Потом начались интенсивные налеты на мост, и отлучаться с батареи мы уже не смогли.

Немцы часто бомбили мосты, почти каждый день. Среди нас был один человек, который не скрывал своей радости от бомбёжки Днепра. Это был старшина Жихарев. На моторной лодке три раза в день он подвозил нам еду с того берега, где тоже стояли пушки нашего дивизиона и где была кухня. Как только начинался налет, он заводил мотор и плыл вниз по течению Днепра, подбирая глущенную рыбу. Тогда мы были обеспечены на обед и ужин ухой и жареной рыбой.

У нашего командира батареи жена училась в мединституте на третьем курсе. Ей присвоили звание военфельдшера, выдали форму и зачислили в штат нашего дивизиона. По ее указанию лейтенант Гоциридзе командовал: «Третье и четвертое орудия – к бою! Прибористы к бою! Первое и второе орудия – бегом купаться!». Через полчаса наступала очередь других двух расчетов купаться.

Чем ближе немцы подходили к Киеву, тем более напряженным становилось движение по мостам через Днепр, и тем сильнее немцы бомбили мосты. Нашему мосту везло: лишь два раза он был поврежден, но вскоре восстановлен, и один раз была разбита насыпь.

Когда мне выпадала очередь стоять на посту у огневых позиций, я каждый раз любовался панорамой высокого, западного берега Днепра, красивыми зданиями, парками, куполами Киево-Печерской Лавры, освещенными утренним солнцем. И сердце сжалось от мысли, что враг может захватить эту нашу святыню.

В конце августа, в один из пасмурных дождливых

памятник, а на нем надпись: «Генерал Трутко, начальник тыла 26-й армии».

— Их было трое — рассказал дед, — было пасмурно, шел дождь, по улице села брали люди, очевидно «окружены», по дороге ехали немецкие машины с солдатами. Одна из машин застряла в грязи — был конец сентября. Солдаты соскочили и стали ее толкать, потом обратились к прохожим со словами: «Пан, Шибен», то есть: «помоги толкать». Один из проходивших в гражданской одежде с криком: «Советские генералы не станут толкать немецкие машины», стал стрелять из пистолета, а сержант, шедший с ним, бросил гранату. Несколько солдат подняли автоматы и всех троих уложили на месте. Так закончилась эта история с генералом.

* * *

Мы простояли на Трухановом острове до 10 сентября. К этому времени немецкий генерал Гудериан переправился через Днепр севернее Киева и пошел на Конотоп, а генерал Клейст, южнее Киева двинулся вдоль Днепра до Кременчуга. Потом они пошли навстречу друг другу и замкнули кольцо. В киевском окружении оказалось, по советским официальным данным, около полумиллиона военнослужащих. Многие из них попали в плен, многие погибли. Погибли командующий Юго-Западным фронтом генерал Кирпонос, начштаба генерал Тупиков, член военного совета Бурмистенко; командующий 5-й армией генерал Потапов и 6-й армией генерал Музыченко попали в плен...

Все это стало известно значительно позже, после войны. А тогда, 10 сентября, мы прицепили пушки к машинам, уложили на них приборы, свой нехитрый скарб и двинулись на Восток.

В Яготине, на станции, стреляли по пикирующим на нас самолетам.

памятник, а на нем надпись: «Генерал Трутко, начальник тыла 26-й армии».

— Их было трое — рассказал дед, — было пасмурно, шел дождь, по улице села брали люди, очевидно «окружены», по дороге ехали немецкие машины с солдатами. Одна из машин застряла в грязи — был конец сентября. Солдаты соскочили и стали ее толкать, потом обратились к прохожим со словами: «Пан, Шибен», то есть: «помоги толкать». Один из проходивших в гражданской одежде с криком: «Советские генералы не станут толкать немецкие машины», стал стрелять из пистолета, а сержант, шедший с ним, бросил гранату. Несколько солдат подняли автоматы и всех троих уложили на месте. Так закончилась эта история с генералом.

* * *

Мы простояли на Трухановом острове до 10 сентября. К этому времени немецкий генерал Гудериан переправился через Днепр севернее Киева и пошел на Конотоп, а генерал Клейст, южнее Киева двинулся вдоль Днепра до Кременчуга. Потом они пошли навстречу друг другу и замкнули кольцо. В киевском окружении оказалось, по советским официальным данным, около полумиллиона военнослужащих. Многие из них попали в плен, многие погибли. Погибли командующий Юго-Западным фронтом генерал Кирпонос, начштаба генерал Тупиков, член военного совета Бурмистенко; командующий 5-й армией генерал Потапов и 6-й армией генерал Музыченко попали в плен...

Все это стало известно значительно позже, после войны. А тогда, 10 сентября, мы прицепили пушки к машинам, уложили на них приборы, свой нехитрый скарб и двинулись на Восток.

В Яготине, на станции, стреляли по пикирующим на нас самолетам.

Пирятин хотели проехать без остановки, но в центре города образовалась пробка из машин перед деревянным мостом через реку Удай. На него въехал тяжелый танк КВ и провалился, остановив все движение. Дело было под вечер, все неимоверно устали. Каждый располагался спать на своей технике. А к мосту в центр города стягивались машины, телеги, трактора и к утру вся улица перед мостом на несколько сот метров была плотно забита транспортом. Наша машина, кроме приборов, была нагружена ящиками со снарядами, ровно уложенными вдоль бортов, а мы, восемь человек, сидели в середине. Нам сверху, с машины, это очень хорошо было видно. Справа, вплотную к нашей машине, стояла военная бричка, нагруженная солдатскими одеялами, а на облучке восседал пожилой солдат лет 40, держа в руках новенькую винтовку СВТ, о которой мечтал каждый, кому только недавно исполнилось 19 лет. Она была десятизарядная, а вместо штыка был кинжал, это была самозарядная винтовка Токарева. «Вот бы мне!» - подумал я.

Рано утром, вместе с солнцем, появились и самолеты. Их было 18 штук - пикирующих бомбардировщиков Юнкерс 87. Они образовали круг и начали пикировать. Каждая их бомба попадала в цель, ведь цель была велика и неподвижна. Возница с соседней брички куда-то спрятался, а я соскочил с машины, схватил эту самозарядную винтовку, но тут сзади грохнуло, попало в нашу машину, и я почувствовал удар в правую руку, чуть выше локтя, пальцы сразу онемели. Ранен...

Наша машина загорелась. «Сейчас начнут рваться снаряды» - подумал я и стал пробираться между телегами и машинами от нее подальше.

С трудом выбрался в какой-то переулок. Рукав шинели наполнился кровью, а рука безжизненно повисла, но я уже выскочил на окраину города.

Сзади был слышен вой пикировавших самолетов,

разрывы бомб, поднимались столбы черного дыма. Рядом со мной бежали солдаты. «Неужели я остался один?» – подумал и тут же увидел солдата из своей батареи Ивана Каинова, майского набора, родом из Куйбышевской области. Фамилия у него была редкая и легко запоминалась. Дальше вдоль реки Удай мы бежали вместе, ища переправу или брод. Вдруг открылась полянка со сконченным сеном. Солдаты раздевались и бросались вплавь через реку. Здесь она была не более двадцати метров, но довольно глубокая. Я тут же подобрал кем-то брошенную плащ-палатку, завернул в нее охапку сена, связав углы «конвертом», сложил всю свою одежду, сапоги и шинель на этот «поплавок», привязал к углу поплавка бинт от индивидуального пакета, которым перевязывал руку. Я сказал Ивану, что отвезу вещи и вернусь за ним. Боли в руке я уже не чувствовал, кровь перестала идти, но грести мог только левой рукой, конец бинта держал в зубах.

Плавал я хорошо, но вода была очень холодная – ведь была середина сентября. Я вылез на берег, чтобы отдохнуть и увидел, что Иван не стал меня ждать. Он собрал тюк сена побольше, связал его своими обмотками (сапог им еще не выдали) и поплыл вслед за мной. На середине реки тюк накренился – сено было влажное, и ботинки Ивана, а за ними и шинель стали погружаться в воду. Я бросился в воду, доплыл до середины и стал нырять, пытаясь ногами поймать хоть что-нибудь из его вещей.

Усталость и холод сковали тело. Я повернулся на спину и, едва шевеля ногами, подплыл к берегу. Иван сидел на корточках и дрожал. Я прикрыл его своей шинелью и стал одеваться сам. Надо было что-то делать. Солдаты по двое, по трое переправлялись поблизости. Двое, недалеко от нас, сложили на берегу одежду и голыми поплыли обратно. Тут я подумал вслух, что у них, видно, лишняя одежда. Иван меня понял, моментально сбросил шинель,

схватил в охапку ту одежду и побежал одеваться за копну из снопов пшеницы, которыми было уставлено все поле. Но что это? Когда Иван брал одежду, я заметил на гимнастерке «шпалы», а под ней кобуру пистолета. «Подполковник или полковник – подумал я – быть беде!» «Прячься лучше! – успел крикнуть и стал натягивать шинель. Через две минуты из воды вылезли трое и бросились ко мне с криком: «Где одежда?» Я ответил, что не знаю. Двое солдат стали одеваться, а третий схватил с земли брошенную кем-то винтовку, дослал патрон и с криком: «Где второй? Тут был второй, твой дружок?» стал тыкать мне в живот ствол винтовки. Я понял, что дело плохо и стал медленно раздеваться со словами «берите мою одежду». «Нет! – закричал он – там документы». Он стукнул меня прикладом в бок и с криком: «Я ему покажу!» голый и босой помчался вдоль берега, куда шли и все переправившиеся солдаты. Это была жуткая картина: бегущий по дороге голый человек с винтовкой в вытянутой руке. Я понял, что мне самое время где-то спрятаться. Быстрым шагом я прошел метров 200 и, свернув налево, в какой-то овражек, спрятался в кустах.

Прошло около часа, я вернулся за Иваном, но его нигде не было видно. Наконец, за одной из отдаленных копен я увидел его. Он лежал на правом боку в нижнем белье, в левой стороне живота было видно входное отверстие от пули, но пуля прошла навылет, и рваное выходное отверстие было величиной с ладонь. Он что-то пытался сказать. Я оторвал лоскут от нижней рубашки и попытался перевязать его, но тут из раны хлынула кровь. Иван потерял сознание.

Между тем, большая группа солдат собралась на том берегу, намереваясь переплыть реку, одни стали раздеваться, некоторые бросились в воду прямо в одежде. Людей на том берегу все прибывало, за ними появились

самолеты и стали поливать из пулеметов эту переправу. Мне пришлось срочно убегать. Иван остался там, на берегу реки Удай, вблизи Пирятина. Чем я мог тогда ему помочь?

Я прошел километров двадцать на Восток, куда шли все, и заметил, что некоторые солдаты стали уходить в сторону, к видневшимся вдали селам. Дело шло к вечеру, надо было подумать о ночлеге и мне. В крайнюю хату я постучал, но меня не приняли — там уже были постояльцы, во второй — то же, пустили только в третью, когда узнали что ранен.

Там уже «поселился» ярославец Дмитрий Сигарев, он стал моим спутником на несколько дней бродяжничества. Старуха дала мне чистую тряпочку, а Дмитрий перевязал руку. Хозяйка накормила, принесла соломы, постелила на полу, протопила печь, стало тепло. Спали, конечно, одетые. Утром, чуть свет, хозяйка сварила картошки, накормила нас и выпроводила. Из домов села выходили солдаты по одному, по два. Я все спрашивал, думая найти кого-нибудь из своей части, да где там! Шли остатки разбитых полков...

Что это было? А как же «нас не трогай — и мы не тронем, а затронешь — спуску не дадим»? Даже тогда, когда я сам пел в строю эту песню, я чувствовал в ее словах бахвальство. Да и немецкая пропаганда не дремала: всюду валялись листовки с призывами сдаваться в плен. На них были разные рисунки, и даже стихотворения, вроде: «Бей жида — политрука, морда просит кирпича». На рисунке изображена старая петровская пушка со сломанным колесом, справа — балерина на одной ноге, над ней цифра «100 000 рублей» и надпись: «Вот куда шли ваши деньги». Имелись ввиду Сталинские премии!

О качестве самолетов И-16, И-153 я и сам мог бы рассказать, потому что видел их в деле каждый день. Это были хорошие самолеты, но они уступали немецким

Мессершмидтам и Фоке-Вульфам. Но самое главное – их было мало, многие наши аэродромы в первый день войны были разбомблены. Аналогичная ситуация была и с бомбардировщиками. Нашим Петляковым и ТБ-3 немцы противопоставили Хейнкель-111 и Дорнье 215, Юнкерс 87 и Юнкерс 88 и другие.

Были и у нас подобные самолеты. Были МиГи и Лаги и ТУ и Илы, но это было потом. А тогда... Невольно возникал вопрос: почему это нам не хватило времени с 20-х годов и до 41-го года для создания мощной обороны, а Гитлеру хватило всего пять лет с 33-го до 38-го. Не надо было нам хвастаться – «Любимый город может спать спокойно...»

Такие невеселые мысли бродили в головах тех, кто отступал, а ноги продолжали шагать на Восток.

Второй ночлег был похож на первый; на третий день, к вечеру, мы попали ночевать к старухе, которая попросила нас спилить и поколоть на дрова старую грушу. Мы охотно ей помогли, спилили толстую сухую грушу, покололи ее на дрова, сложили их в сарай. Старуха сварила целую курицу, хорошо нас подкормила, говоря, что «все равно немцы заберут, пусть лучше наши съедят». Хозяйка осталась довольна, и мы работали у нее два дня. За это время съели две курицы, да еще на третий день утром, когда уходили, она испекла нам небольшой круглый хлебчик на капустном листе и где-то у соседей раздобыла кусочек сливочного масла. Мы подумали, что масло от теплого хлеба все равно растает и вытечет, разрезали хлебчик и положили масло внутрь.

В тот же день мы подошли к реке Сула, выбрали лесистое место, чтобы немцы не заметили, разделись, переплыли на спине, держа одежду в руках. На том берегу уже сушились у костра несколько солдат. Мы оделись и подошли к костру погреться, достали хлеб и решили

подкрепиться, подогрев кусочки на костре, нанизанные на веточку. Такого чудного запаха и такого вкуса хлеба, пропитанного маслом, поджаренного на костре я не ел больше никогда в своей жизни! Никакие пирожные, торты или делисы не сравнятся с тем хлебом в 41 году...

Вечером нам пришлось ночевать в разных хатах, так много солдат собралось в селе, а на следующее утро наша хозяйка так рано выпроводила своих постояльцев, что я не стал дожидаться своего спутника и пошел один. Хозяйка дала на дорогу кусок хлеба и вареной картошки, и днем я перекусил этим, бережно расходуя пищу, отдохнул под деревом и снова в путь. К вечеру подошел к какому-то селу. Людей не было видно, но мне послышался звук работающего мотора автомашины. Потом все стихло. На дороге из села показался солдат в расстегнутой шинели. Я притаился в посадке. Окликнул солдата, но он как-то странно на меня посмотрел, это был не немец, но и не русский. Оказалось, что он алтайец и ходил сдаваться в плен – в руках держал листовку, на которой была фотография немца-повара в белом колпаке, раздающего пищу мордатым и улыбающимся «пленным», таким же мордатым, как повар. Явно было видно, что это фотомонтаж. Немцы не захотели брать его в плен. Сказали: «Один? Мало», сняли с пилотки звездочку, ремень и отпустили, объяснив, чтобы привел остальных.

Я рассказал ему, что знаю от отца, (он был в плену у немцев в 16-м году), что немцы пленных хорошо кормить не будут, но мои слова на него не подействовали. Алтайец пояснил, что местные жители его не понимают, думают, что переодетый немец, неохотно пускают на ночлег и дают поесть, и что он хочет в плен.

Между тем стемнело. Мой новый знакомый отправился искать дураков сдаваться в плен, а я пошел своей дорогой. До сих пор не пойму, как это могло

случиться: я шел и шел, думая, что в первом же селе заночую, но силы были на исходе. Я устал, хотелось, есть. Уже была глубокая ночь, а я все шел. Где дорога? Куда я иду? На небе ни звездочки, не слышно даже лая собак.

Вот под ногами зашуршала солома или сено. Я стал ногой сгребать эту солому к центру, ходя по кругу. Через час работы я так устал, что сел на эту кучу соломы, потом влез в нее, как в копну сена, натянул пилотку на уши, сунул руки в рукава и уснул.

Рассвело. Я вылез из соломы и ахнул: шагах в 50-ти от меня стоял маленький домик, к нему был пристроен длинный навес – стоянка для сельхозтехники!

Полевой стан! Сторожка состояла из одной побеленной комнатки с двумя окошками, в ней была небольшая печь с прямым дымоходом вверх, деревянная лавка у столика – дощатой крышки, уложенной на две Х-образные подставки. На лавке сидели два солдата и что-то жевали.

На мое приветствие не ответили и так недружелюбно на меня посмотрели, что я понял: «третий лишний». Я вышел из домика раздумывая, что они доставали из противогазной сумки стоящей на столе? Один вытаскивал крупный солёный огурец и кусок хлеба, а второй придерживал рукой какую-то зеленую трубку рядом с огурцом... да это же рукоятка ручной гранаты! Не успел я это сообразить, как раздался легкий хлопок, а через четыре секунды - взрыв гранаты!

Я стоял снаружи и после взрыва увидел, как из обоих окон вылетели все стекла. Бросился в домик узнать, что же случилось. Оба солдата стояли у печки. Один успел втиснуться в щель за дымоходом, и был совершенно цел, второму места не нашлось, одежда на нем была вся посечена осколками, а на спине и плече кровоточили ранки, на полу валялись щепки от стола. Вся побелка стен

и потолка отлетела от взрыва и лежала на полу, комната приняла удручающий, грязно-коричневый вид. Все было ясно без объяснений. Они «вооружились» и сунули заряженную гранату с запалом, на боевом взводе, в противогазную сумку рядом с огурцами, а дальше – одно неосторожное движение и – взрыв. Кому предназначалась эта граната?

В моей помощи они не нуждались, и я ушел.

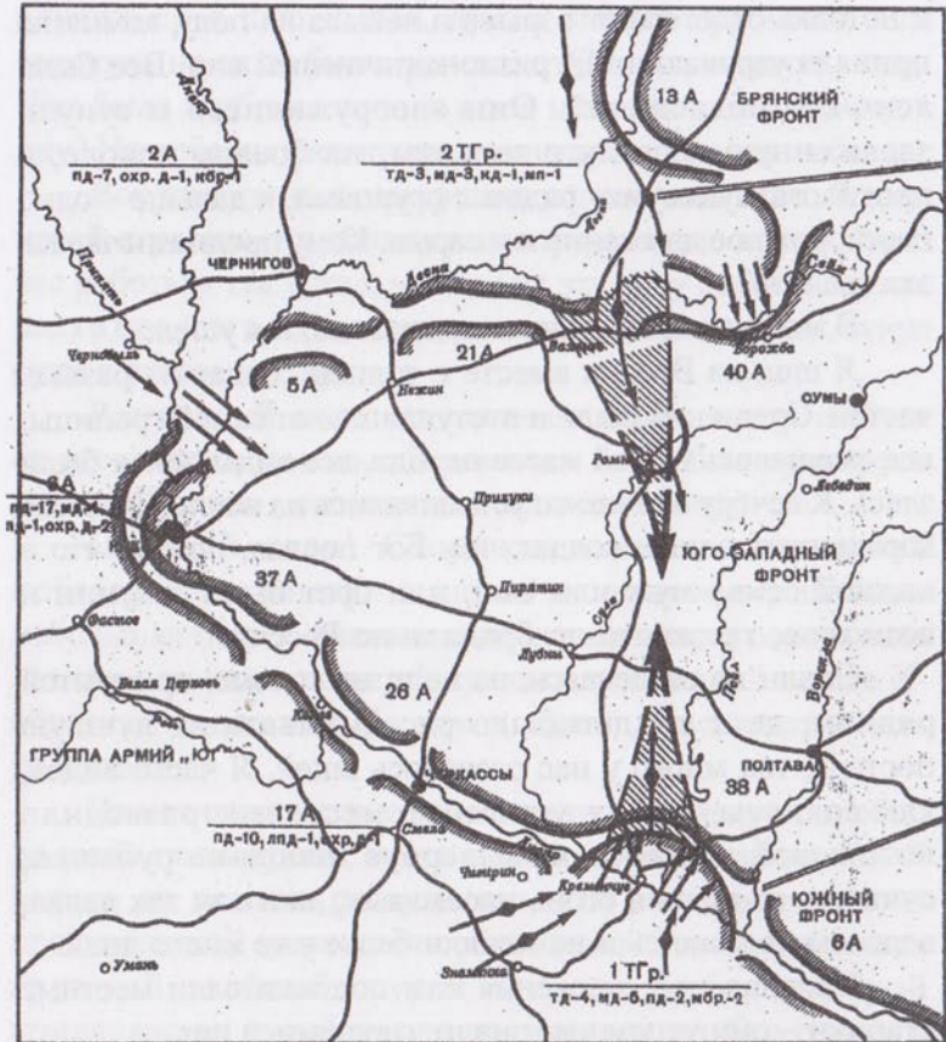
Я шел на Восток вместе с толпой солдат из разных частей. Среди них были и отступавшие от самой границы; все смешалось в этой массе народа, все виды войск были здесь. К вечеру все как-то устраивались на ночлег. Хозяева кормили голодных солдат, чем Бог послал, потому что в каждой семье муж или сын, или брат были в армии и возможно, так же где-то бродили по России.

Спали не раздеваясь, на полу, на соломе, прикрытой рядном, да и стыдно было рассчитывать на лучшую постель, так много у нас развелось вшей. Я часто видел, как солдаты, найдя укромное местечко, разводили небольшой костерок и, вывернув исподние рубашки, счищали со швов в огонь насекомых, да и сам так делал, ведь мы не мылись и не меняли белье уже много дней.

Направление движения нам подсказывали местные старики – они утром уже знали, где немцев нет.

Так, спустя время, мы оказались в одном крупном селе и наутро, переночевав и подкрепившись, двинули как-то дружно в путь. Собралось человек 50-60, все шли бодро, потому что знали: это должен быть последний переход, а там – наши.

Село, из которого мы вышли, стояло на пригорке, и перед нами открылась красивая картина: проселочная дорога опускалась вниз, вдали слева виднелся лесок, за который она и поворачивала. Справа от дороги все поле было установлено копнами убранной пшеницы, часть видно

Обстановка на Юго-Западном фронте
к середине сентября 1941 г.

уже успели обмолотить, и посреди поля, недалеко от дороги, стояла большая скирда соломы. Слева от дороги поле гречихи, она уже созрела и имела издали коричневатый цвет. Легкий ветерок дул нам навстречу. Все были настроены на скорую встречу с нашими и поэтому, когда нам навстречу из-за леска показались танки, мы очень обрадовались и ускорили шаг. Но танки повели себя странно, они замедлили движение и перестроились из

колонны во фронт, а было их штук 20, и дружно двинулись на нас, открыв огонь из пулеметов. «Да это же немцы!» - раздался крик, но было поздно. Спрятаться было негде, оружия против танков, да и вообще почти никакого у нас не было. Свою раненую правую руку я засовывал за пояс, чтобы не болталась, к боли уже привык, повязка присохла к ране, и ее лишний раз трогать не хотелось. Казалось, единственным спасением была скирда соломы, туда все и бросились. Находясь в толпе, я увидел, что двое или трое солдат упали и поползли в гречиху, а не побежали к скирде. То же сделал и я. Гречиха была невысокая, чуть выше полуметра, я прополз в ней подальше от дороги и затаился.

Хорошо были слышны крики солдат, которых немцы давили гусеницами танков или расстреливали спрятавшихся за скирдой, обезжая ее вокруг.

Когда все было кончено танки ушли в то село, где мы ночевали, оставив один «для порядка». Он ездил по дороге туда-сюда, изредка постреливая из пулемета, если где-то замечал шевеление.

Наконец, стало смеркаться, танк уехал в село. Вокруг меня зашевелились люди. Нас оказалось семь умников, не побежавших к скирде и потому оставшихся в живых. Первая мысль у всех семерых была одна: прочь, подальше от этого страшного места. Гречиха кончилась, за ней пошла кукуруза; местность все понижалась, кончилась и кукуруза, под ногами зачавкало болото, мы все шли, шедший впереди сказал, что уже в сапоги набрал воды, потом воды стало по пояс, и, наконец, мы выбрались на сухой берег. Была ночь, над головой шумели деревья, хотелось есть. Мы выбрали в темноте на ощупь сухой бугорок, разделись, вылили воду из сапог, выкрутили мокрые штаны и снова натянули их. Один из нас, по голосу старший, стал устраивать ночлег, он сказал, что мы здесь побудем до утра. Лес не лес, а все же – укрытие, и стал сгребать ногой в

небольшую впадину под деревом сухие листья. Мы стали ему помогать, потом он достал из противогазной сумки кружку и пузырек «Тройного» одеколона, послал одного зачерпнуть из болота воды, нацедил в деревянную ложку одеколона: «для профилактики, а то заболеем». Каждый выпил по ложке и запил водой.

Мы улеглись рядышком, подстелив четыре шинели, благо, хоть они были сухими, а тремя укрылись, плотно прижавшись друг к другу...

Проснулись на другой день в два часа дня - у старшего оказались часы. С трудом встали на ноги – они были как деревянные, пришлось их растирать, массировать, и стали осматриваться. Остров оказался небольшим, весь поросший лесом, метров 300 шириной и около километра длиной. Пройдя его поперек, мы увидели невдалеке дорогу, идущую с Севера на Юг, оживленное движение по ней машин, бронетранспортеров и танков.

Лишь через много лет я узнал, что мы оказались в полосе движения войск Гудериана, ринувшегося на юг, навстречу войскам Клейста, двигавшегося на Север. Мы – в кольце. Это было 20-го сентября 1941 года.

Поток немецких войск был беспрерывный, нам оставалось только ждать. Были съедены все сухари, объедены все кустарники барбариса, с кисленькими как щавель, листочками. Вот тогда я по настоящему начал курить. Махорки у меня было много – полный карман шинели.

На седьмой день к острову подплыл на утлом челночке старик, вылез на берег, сел, закурил, потом громко сказал: «Хлопцы, выходите, не бойтесь! Немцев уже нет – уехали».

Он перевез нас по одному в село на челночке и распределил по хатам, по два человека. Хозяйка поставила на двоих полчутуна вчерашнего борща и положила кучку

сухарей. Мы высыпали сухари в чугун – он стал полный – и выели вдвоем все пять литров. До сих пор не пойму как это нам удалось. Потом вышел во двор, сел на завалинку и сказал, что теперь мне все равно: пусть идут немцы, турки или поляки – я с места не сдвинусь.

На следующий день, подкормившись и отдохнув, мы поговорили со стариками и снова двинулись в путь на Восток. Стояла сухая погода, ласково светило осеннее солнце, отдавая последнее тепло. Мы шли по краю оврага, по дну которого протекал ручеек, зеленела сочная трава. «Вот где бы отдохнуть да переобуться, неделю не умывались» - сказал один, остальные его поддержали. Мы спустились вниз, сели, перемотали портнянки. Мне ребята помогли разуться, и я сидел, наслаждаясь покоем. Вдруг послышалось чье-то тревожное восклицание, мы глянули наверх – там, наверху, стояли два немца с автоматами и говорили: «Пан, ком!» Мы смотрели на них, не моргая, но они снова повторили нам: «Пан, ком!» Пришлось подчиниться. Кое-как обувшись и надев шинели, мы выбрались из оврага. Рядом с немцами стоял мотоцикл с коляской. Один немец пошел по дороге и скомандовал следовать за ним, а другой сел на мотоцикл и медленно поехал за нами. Так двигались часа два, шли, судя по солнцу, на Юг.

Показалось большое село. Нас привели к кирпичному дому в центре села, с подвалом. Там уже было 14 человек солдат, вроде нас. Переночевали в этом подвале, а утром всех нас построили в колонну по два и два немца с автоматами повели нас дальше на Юг.

В середине дня мы пришли в Полтаву. На улицах царило оживление, везде ездили грузовые и легковые машины, кругом флаги со свастикой, радио орет на всю улицу песню: «Дід рудый, баба руда»... Из комендатуры, напротив которой мы стояли, вышел немец в фуражке и

нас повели на северо-западную окраину города, где находился бывший склад боеприпасов. Прямоугольная территория, обнесенная двумя рядами колючей проволоки, с деревянными вышками по углам. В середине стояло девять кирпичных бараков с крышами и стенами, разрисованных зелеными пятнами «под камуфляж». Рядом с бараками - подъездные железнодорожные пути, полы в бараках высокие, асфальтированные, чтобы удобно разгружать вагоны.

Нас впустили, закрыли за нами лагерные ворота. Сопровождавшие нас немцы скрылись в небольшом домике у ворот. Голодные и уставшие, мы тут же уселись на землю. Наконец из домика вышел немец в фуражке и человек в форме, но без погона – оказался переводчик, который громко сказал: «Вставай, подымайся, рабочий народ!»... И далее стал переводить слова офицера. Мы поняли, что находимся в пересыльном лагере, где нельзя подходить к проволоке, разводить огонь и т.д. и т.п., за все – расстрел.

Первая ночь для меня была сплошным мучением, асфальтированный пол в бараках был очень холодный. Мои бедные кости после ночевки в лесу окончательно разболелись. Да и ночь прошла неспокойно. Мы лежали, тесно прижавшись друг к другу, но те, кто расположился ближе к двери, постоянно обдавались холодным воздухом из отодвигаемых, как в товарном вагоне, дверей.

Среди ночи вдруг отодвинулась дверь, кто-то вошел и громко сказал: «Товарищи! Они нас предали!» Вошедший чиркнул спичку, чтобы посмотреть, куда можно пройти, и все увидели побитое лицо в кровоподтеках. Голос продолжал: «Да, я еврей, моя фамилия Кремнев, я работал на Харьковском почтамте!» Кто-то дернул его за ногу и крикнул: «Закрой двери и ложись – холодно». Тот послушался, лег. Стало тихо. Утром все вышли из барака и стали знакомиться с обстановкой. В каждом из бараков,

как, оказалось, было не менее 1000 человек. Толпы солдат, грязных, заросших, бродили по двору в поисках чего-нибудь съестного. В стороне стоял кирпичный домик, по словам солдат, санчасть. «Вот где руку перевяжут» - подумал я.

Навстречу мне из домика вышла наша русская медсестричка. Она шла, низко опустив голову, и тихо спросила меня: «Куда?» - я ответил, что ранен в руку, надо бы перевязать... «Не ходи, они у всех только кровь забирают» - и пошла дальше. Я вернулся в свой барак. Снаружи к проволочному ограждению пытались подойти люди, но их отгоняли немцы. Люди издали бросали через проволочные заборы бурачки, морковку. Их хватали и моментально съедали. Раз в день в лагерь привозили бочки с пшененным супом. К ним выстраивались дикие очереди, а немцы с палками наводили порядок.

Я тоже стал в очередь. Котелка у меня не было и я подставил пилотку, что вызвало хохот немцев у бочки. Часть супа впиталась в ткань и засохла, на второй день это была уже не шапка, а котелок, засохший по форме головы. Посреди двора образовалась «толкучка». Там за маюрок можно было выменять даже кусок хлеба. Но меня привлекло другое: у одного солдата в руках я увидел фанерку примерно 30 на 40 сантиметров.

Я сразу понял «Это то, что мне нужно!» И я угадал! С тех пор, когда я ложился вечером спать на асфальтовый пол, я подкладывал под бок эту фанерку. Сразу появлялось ощущение теплоты и удобства. А еще перед сном я вытаскивал из кармана кусочек сала, бережно завернутый в белую тряпочку. Я сосал это сальце – кусочек был величиной со спичечный коробок – я едва сдерживался, чтобы его не съесть, но каждое утро к баракам «подъезжала» бричка, запряженная 5-6 плленными, из бараков выносили умерших за ночь от истощения и от

болезней, вывозили из лагеря в близлежащее глинище и там закапывали. Поэтому я не съедал сало, а только сосал его, вспоминая при этом ту сердобольную тетку, что дала мне его в дорогу. Но все равно появлялось ощущение сытости, и я засыпал.

Однажды на территорию лагеря зашел немец с большим коричневым портфелем. Двое пленных несли за ним стул и скамью. Немец сел, открыл портфель и стал вынимать из него продукты: кирпичик черного хлеба, кусок колбасы, маргарин, небольшую пачку сигарет – 6 штук, пакетик повидла, небольшую булку и еще какие-то пакетики и кулечки.

Сразу же его окружила толпа и стала просить: «Пан, дай!». Немец на ломаном русском языке сказал, что это порция солдата на один день, и кто хочет это получить, пусть подпишет этот документ, что он добровольно идет служить во вспомогательные войска или полицию. И еще будет получать «Зуппе» и кофе. Толпа затихла, а один спросил: «И винтовку дадут?» – «Дадут, дадут!» – закивал немец. Но тот, кто спрашивал, уже отвернулся со словами: «Чтоб я, значит, в своих стрелял? Да лучше я здесь сдохну»... Пленные молчали.

В конце дня выяснилось, что человек шесть он навербовал. Это все были жители Средней Азии и два с Кавказа. Их презрительно называли «Сталинскими соратниками».

Я уже испытал, что такое голод, но до такого еще не дошел.

На десятые сутки пребывания в лагере встретил в толпе солдат друга детства, Володю Калуцкого, с которым мы игрались еще в песочке. Это было чудо! Он был бледен и меня узнал с трудом, я ведь был грязный, заросший и выглядел стариком, но, узнав, обрадовался. Оказалось, что он в лагере уже с месяц, от голода еле ходит, но все время

мечтает удрать, и уже кое-что для этого подготовил, но нет верного помощника.

Он отвел меня в сторону и поделился своим планом. В самом низком месте лагеря, где намечалось как бы дно оврага, немцы заставили выкопать узкие канавы, положили на них поперек доски, сделав что-то наподобие большого туалета. Там постоянно находились пленные, ведь у многих была дизентерия. В одном месте Володька раскачал проволоку ограждения так, что если один подтянет ее кверху, другой сможет под ней пролезть. Часовые на вышках сменяются каждые два часа. Сменившийся стоит и курит с заступающим внизу, а потом заступающий лезет на вышку. Эти 10-15 минут и надо использовать. «Но ведь часов-то нет!» - возразил я. «А вот они!» - сказал Володька и показал небольшие черные пластмассовые часы, свинченные им с брошенной при отступлении легковушкой М-1. Следующей ночью мы использовали эти несколько минут, пролезли под первым рядом ограждения по очереди, потом - под вторым, вначале по-пластунски, потом на четвереньках, а потом поднялись и побежали, что было духу. Не услышав за собой погони, отдохнули и более спокойно пошли дальше.

Ночь была очень темная и идти пришлось на звук лаявших собак. Собаки – значит жилье. Потом мы поняли, что идем по чьему-то огороду. Вдруг перед нами возникло черное пятно хаты. Подошли, постучали в окно. На вопрос «Кто там?» - рассказали, что удрали из лагеря. Нам не поверили. Старик открыл форточку и сказал, что в селе полно немцев, на улице стоят танки. «Голодные?» - спросил он, мы ответили, что очень, он подал нам в форточку две пригоршни кислой капусты и по куску хлеба. Мы тут же, на завалинке, все съели. Потом он сказал, чтобы мы той же дорогой, через огород, вышли в поле и метрах в ста слева нашли пустую клуню (ригу) и там пробыли до

утра, а утром можно ходить. «У немцев русские пленные работают, — машины моют» — сказал дед. Мы осторожно огородами вышли в поле, нашли клуню. На полу шуршала солома, мы подгребли ее под стенку и улеглись спать, плотно прижавшись, друг к другу.

Проснулся я внезапно, вскочил, было уже светло. Стены клуни были сплетены из хвороста, и лучики солнца пробивались внутрь. День обещал быть погожим, но на душе было тревожно. Я растолкал своего друга, приоткрыл дощатую дверь и ахнул: слева по дороге к клуне шел немец с тросточкой в руке, в фуражке с высоким козырьком, маленькая собачка бежала рядом с ним. Увидев меня, оба остановились, а я, резко повернув вправо, быстро пошел по дороге, спускавшейся в долину. Снизу дул ветерок, раздувая, как крылья летучей мыши, мою расстегнутую шинель.

Я шел, не оглядываясь, но заметил, скосив взгляд, что немец остановился и стоял наверху, похлопывая тросточкой по сапогу. Показались первые хаты села. Когда я, наконец, оглянулся, немца наверху уже не было. Володька, конечно, не успел выскочить из клуни. Что с ним? Все это мне удалось узнать только через шесть лет. Мы встретились случайно на базаре в Харькове — он торговал табаком самосадом, обнялись, вспомнили былое. Он выскочил-таки из той клуни, выломав сапогом противоположную стенку, и удрал...

Я зашел в третью по счету хату. На полу, на рядне, сидели два мальчика и ели вареную картошку. Хозяйка посмотрела на меня и сказала: «Вижу, что голодный, садись с ребятами и ешь». Дала мне кусок хлеба и соленый огурец. Рассказала, что в конце села живет дед, который направит, куда идти, чтобы выйти к своим, но посоветовала переодеться в гражданское, а то опять в лагерь попаду.

Я поменял свою шинель на крестьянский серяк

(грубошерстный пиджак), надел холщовые штаны и картуз и, по совету деда, двинулся на север. Идти пришлось лесом, где меня на третий день задержали красноармейцы, отвели в село Веприк и сдали в Особый отдел. Там раздели до гола, дали старую телогрейку и ватные штаны, а мою одежду всю перещупали, распороли швы — нет ли какой-нибудь бумаги: они приняли меня за связного. Дали заполнить анкету, в ней было 82 вопроса. Кроме обычных вопросов, — имя, фамилия, год рождения, место рождения, служил ли в белой армии, сколько земли было до революции и т.д. и т.п., там были и каверзные, типа: «как попал в окружение, плен, кого считаешь виноватым в этой ситуации, какие слышал высказывания по поводу отступления, кто и что говорил» и т.д.

Я сидел в комнате кирпичного дома с решеткой на окне. Часовой приносил в котелке поесть и на другой день, увидев на столе незаполненную анкету, спросил, почему не заполнил. Я объяснил, что не знаю, что писать. Он сказал: «Слушай, земляк, ты из Харькова, а я из Комаровки, под Харьковом, а потому советую писать, что никого не слышал, не видел, сам во всем виноват; говорят, что ты «самострел» и тебя будут судить». Я объяснил ему, что ранен осколком и потому не могу быть «самострелом».

Анкету я, по совету земляка, заполнил «как надо», и передал осбисту. Он вызвал меня на допрос и сказал, что я очень ловко заполнил анкету, но данные медосмотра подтвердили, что ранение осколочное и потому направляет меня в санчасть.

В санчасти сперва испытывали мою руку — кололи иглой, прижигали папиросой — все пальцы, кроме мизинца, не чувствовали ничего. Главврач написал: «Направить в нестроевую». Оставили меня при санчасти, потом направили в БАО — батальон аэродромного обслуживания, но вскоре случилось новое отступление, и

После разгрома немцев под Москвой и перехода инициативы в наши руки Военный совет Юго-Западного направления решил, что пришло время начать операции по освобождению Донбасса и Харьковского промышленного района. Дважды в течение зимы 1942 г., как пишет генерал К.С. Москаленко в своей книге «На Юго-Западном направлении», командование Юго-Западного направления предпринимало попытки осуществить в районе Харьковского промышленного района свои обширные наступательные планы. Оба раза они не достигали намеченных целей: в тех условиях эти планы были нереальны. Но если бы они не повлекли за собой третью попытку разгромить харьковскую группировку противника, предпринятую в мае 1942 г. в еще более неблагоприятной обстановке, их еще можно было бы считать оправданными в первую военную зиму. К.С. Москаленко и другие командармы высказывали сомнение в возможности осуществления таких широких планов, учитывая неукомплектованность дивизий личным составом и вооружением, отсутствием нужного количества танков, слабость резервов. Однако член Военного совета Н.С. Хрущев, поддерживая маршала Тимошенко, заявил, что Сталин сам поставил перед войсками фронта эту задачу и это уже одно есть гарантия успеха. Это была неправда, а ситуация складывалась такая.

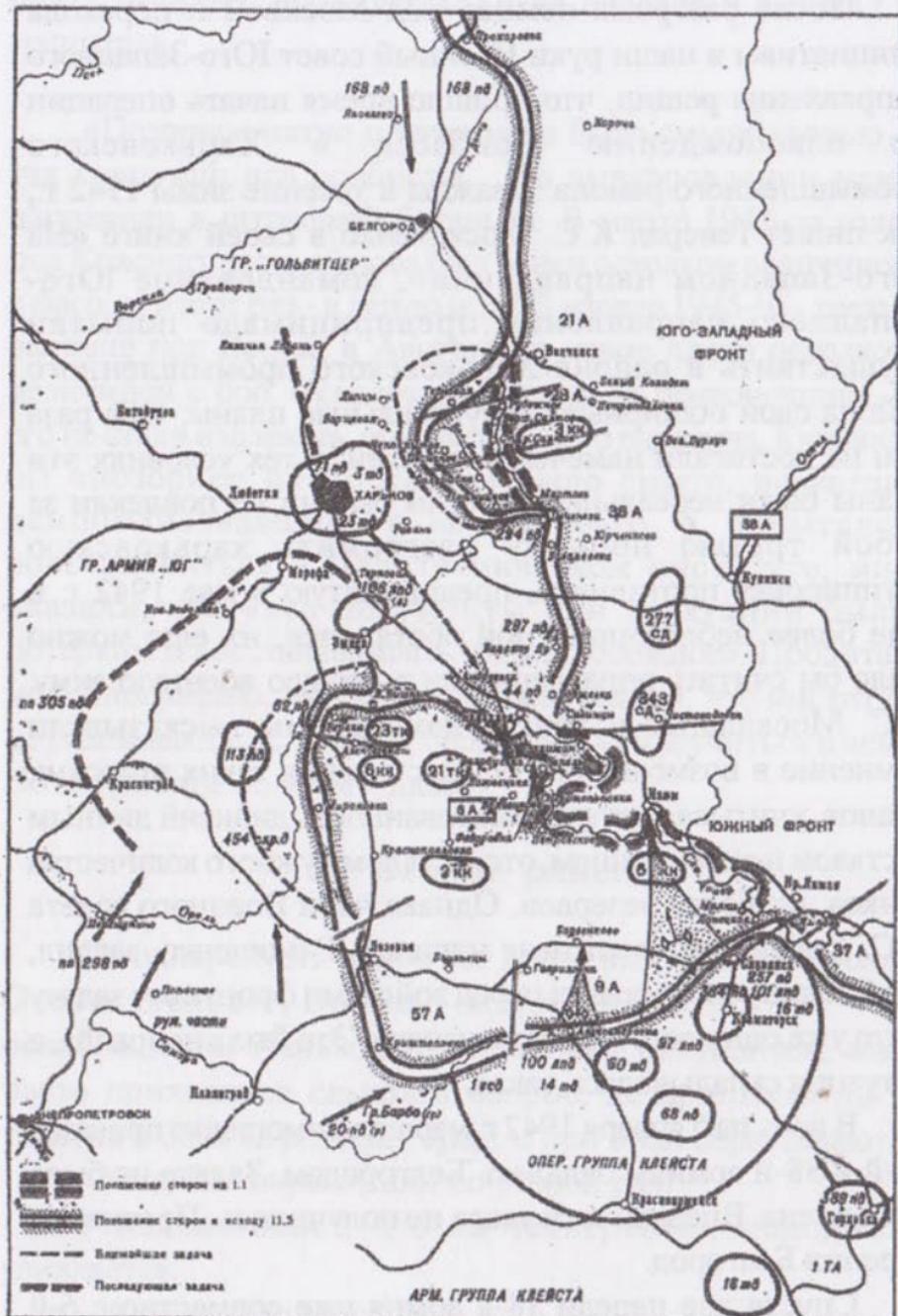
В ночь на 5 января 1942 г. маршал Тимошенко приказал 21-й и 38-й армиям овладеть Белгородом. Задача не была выполнена. Внезапности удара не получилось. Противник укрепил Белгород.

Спустя две недели 38-я армия уже совместно с 6-й армией получили задачу овладеть Харьковом. 18 января наступление не удалось. Немцы подбросили подкрепление на намеченный участок прорыва и удара на Харьков не получилось. Причины – в преувеличении наших

После разгрома немцев под Москвой и перехода инициативы в наши руки Военный совет Юго-Западного направления решил, что пришло время начать операции по освобождению Донбасса и Харьковского промышленного района. Дважды в течение зимы 1942 г., как пишет генерал К.С. Москаленко в своей книге «На Юго-Западном направлении», командование Юго-Западного направления предпринимало попытки осуществить в районе Харьковского промышленного района свои обширные наступательные планы. Оба раза они не достигали намеченных целей: в тех условиях эти планы были нереальны. Но если бы они не повлекли за собой третью попытку разгромить харьковскую группировку противника, предпринятую в мае 1942 г. в еще более неблагоприятной обстановке, их еще можно было бы считать оправданными в первую военную зиму. К.С. Москаленко и другие командармы высказывали сомнение в возможности осуществления таких широких планов, учитывая неукомплектованность дивизий личным составом и вооружением, отсутствием нужного количества танков, слабость резервов. Однако член Военного совета Н.С. Хрущев, поддерживая маршала Тимошенко, заявил, что Сталин сам поставил перед войсками фронта эту задачу и это уже одно есть гарантия успеха. Это была неправда, а ситуация складывалась такая.

В ночь на 5 января 1942 г. маршал Тимошенко приказал 21-й и 38-й армиям овладеть Белгородом. Задача не была выполнена. Внезапности удара не получилось. Противник укрепил Белгород.

Спустя две недели 38-я армия уже совместно с 6-й армией получили задачу овладеть Харьковом. 18 января наступление не удалось. Немцы подбросили подкрепление на намеченный участок прорыва и удара на Харьков не получилось. Причины – в преувеличении наших

Военные действия юго-западного фронта
в январе-мае 1942 г.

возможностей и недооценке сил противника. А враг был гораздо сильнее, чем предполагалось, и наших сил оказалось совершенно недостаточно, чтобы осуществить эти планы.

Не сделав соответствующих выводов из неудачной попытки наступления, 27 февраля 1942 г. Военный совет Юго-Западного направления утвердил оперативную директиву о проведении новой наступательной операции по разгрому чугуевско-балаклеевской группировки противника. Операция началась 7 марта 1942 года, в ней участвовали все те же армии: 38-я и 6-я. Измученные тяжелыми боями, дивизии испытывали некомплект личного состава – до 30-40%. Пополнение состояло из необученных бойцов, прибывших накануне сражения. Самое главное – не было танковой поддержки пехоты, кроме того, предстояло форсировать реку Северский Донец.

Времени для подготовки наступления оказалось недостаточно, данных о противнике было мало. Только после начала наступления выяснилось, что линия переднего края не соответствовала руслу реки. Тем не менее, удалось в нескольких местах форсировать реку и захватить плацдармы – отдельные участки – и соединить их в один плацдарм в 7 км. Бои шли с переменным успехом до начала апреля, затем фронт стабилизировался, 38-я армия остановилась. В районе Балаклеи 6-я армия тоже успеха не имела. Задача по разгрому чугуевско-балаклеевской группировки врага не была выполнена, Харьковский промышленный район не был освобожден.

Одной из основных причин этого был тот факт, что промышленность, эвакуированная на восток, еще не успевала полностью удовлетворять потребности фронта. Противник опережал нас, так как обладал большой

маневренностью. Если у нас почти все передвижения совершились пешком, то его войска перебрасывались в основном на машинах. Далее, оборона немцев на западном берегу реки Северский Донец была построена по принципу узлов сопротивления с тяжелыми пулеметами и противотанковыми пушками. У нас же не хватало танков и артиллерийского обеспечения наступающих войск.

Генерал К.С. Москаленко, вступивший в командование 38 армией в марте 1942 г. указывает и такие причины неудач, как отрыв штабов от действующих частей, плохое снабжение войск продовольствием, боеприпасами, горючим, отсутствие поддержки авиацией. Его позиция не соответствовала настроению военного совета Юго-Западного направления. В 20-х числах марта 1942 г. маршал Тимошенко и Н.С. Хрущев бодро докладывали в ставку Верховного главнокомандующего о слабостях врага и о выросшей мощи наших вооруженных сил. Вопреки сведениям, полученным от разведки, ими утверждалось, что враг будет продолжать наступление на Москву. Выводы докладчиков сводились к тому, что наши войска располагают большими преимуществами и поэтому должны упредить намерения врага, разгромить его силы и выйти на рубеж среднего течения р. Днепр. В результате 10 апреля 1942 г. войска Юго-Западного фронта получили директиву о передислокации частей для подготовки к наступлению.

В результате зимней кампании 1942 г. районе Харькова, к югу от города образовался так называемый изюмский выступ глубиной 90-100 км. К северо-востоку, в районе г. Волчанска, советские войска владели плацдармом на западном берегу реки Северский Донец. Для войск Юго-Западного фронта это означало возможность нанесения противнику двухстороннего удара

— севернее и южнее Харькова с последующим соединением ударных группировок западнее города.

Наши войска уже на 5-й день наступления, 17-го мая сами оказались в положении обороняющихся, поскольку неучтенная Военсоветом группировка Клейста начала наступательные действия от Славянска и Краматорска на север, на Изюм, и отрезала тот самый Изюмско-барвенковский выступ. Позже стало известно, что это была тщательно разработанная операция немцев под названием «Фридерикус». Из захваченных у немцев документов стало ясно, что еще 11 мая, накануне нашего наступления, они приступили к подготовке крупного удара. В течение всего светлого времени дня немецкая авиация наносила удар за ударом по 20-25 самолетов, в то время как наша почти не появлялась над полем боя.

В результате, к 22 мая вражеское кольцо вокруг войск 6-й, 57-й, 38-й и 9-й армиями сомкнулось. На северном участке войска 28-й армии отошли на исходные позиции. Малейшие попытки советских войск прорвать окружение яростно пресекались силами пехоты, танков и авиации противника. В этих боях погибла значительная часть попавших во вражеское кольцо. Так в последних числах мая 1942 г. трагически закончилась Харьковская наступательная операция — третья попытка освобождения Харькова!

А вот что писал об этих боях маршал С.С. Бирюзов в своей книге «Когда гремели пушки»: «Ставка дала директиву о подготовке крупного наступления на харьковском направлении, в нем участвовали одновременно два фронта — Брянский и Юго-Западный. В состав ударной группировки Брянского фронта входила и вновь создаваемая 48-я армия, начальником штаба которой я был назначен, командующим был назначен

генерал А.Г. Самохин. Он еще не прибыл из Москвы. Самолет командарма должен был приземлиться в Ельце. А через сутки наши связисты перехватили радиопередачу противника из которой явствовало, что самолет совершил посадку не в Ельце, а в оккупированном немцами Мценске. Генерал был пленен, и враг завладел при этом оперативной директивой нашего Верховного Главнокомандующего.

Дорого обошлась беспечность людей, отправивших генерала Самохина с недостаточно опытным летчиком, который потерял в воздухе ориентировку. Ставке пришлось пересмотреть сроки готовящегося наступления, изменить направление главных ударов по противнику. Но и это не спасло нас от неудач. У меня нет никакого сомнения в том, что трагический эпизод с генералом Самохиным сыграл свою роковую роль и в какой-то мере предопределил печальный исход наступления на Харьков в мае 1942 г.»

Такие огромные потери мы понесли в этом сражении за Харьков! Так же, как и в сентябре 41-го года под Киевом, в кольце оказались части четырех армий с техникой и вооружением.

Потерпев поражение в мае, советские войска потеряли важный оперативный плацдарм и вынуждены были перейти к обороне в невыгодных условиях. Противник использовал месячную передышку, перегруппировал силы и снова стал теснить наши войска на восток, к большой излучине Дона и затем к Сталинграду.

Как известно, 19 ноября 1942 г. началось генеральное наступление наших войск под Сталинградом, закончившееся разгромом немецких войск и пленением 6-й армии.

Далее последовали Острогожско-Россошанская, затем Воронежско-Касторненская операции. Были разгромлены многие немецкие дивизии и фронт двинулся на запад. Впереди снова был Харьков. Гитлеровское командование упорно цеплялось за Харьков. Оно понимало, что, потеряв его, не сможет удержать в своих руках и Донбасс. Поэтому в район Харькова был переброшен из Франции танковый корпус СС в составе трех отборных дивизий – «Адольф Гитлер», «Рейх» и «Мертвая голова».

Рубежи обороны противника восточнее Харькова были обойдены с севера, войска 40-й, 69-й и 3-й танковой армий стремительно двигались на Харьков. Наступал последний, самый ответственный этап операции «Звезда». С вводом в бой 5-го танкового корпуса темп наступления еще больше увеличился и 16-го февраля город был полностью освобожден от немцев.

В тот же день командование Воронежского фронта направило Верховному Главнокомандующему просьбу об усилении его танками, самолетами, зенитной артиллерией, личным составом. И хотя у штаба Воронежского фронта в середине февраля не было ясного представления о противнике, все же было принято решение начать наступление ослабленными, нуждавшимися в отдыхе и пополнении войсками. Разумеется, оно не могло увенчаться успехом в условиях, когда противник сосредоточивал войска и жаждал реванша за Сталинград, за свои поражения в зимней кампании 1942-43 гг.

В то время, когда наша 40-я армия продолжала двигаться на запад, освобождая села, 19-го февраля противник перешел в контрнаступление силами 1-й и 4-й танковых армий. Удар от Краснограда наносил тот самый корпус, который несколько дней назад бежал из Харькова. Войска Юго-Западного фронта стали отходить. Немецко-

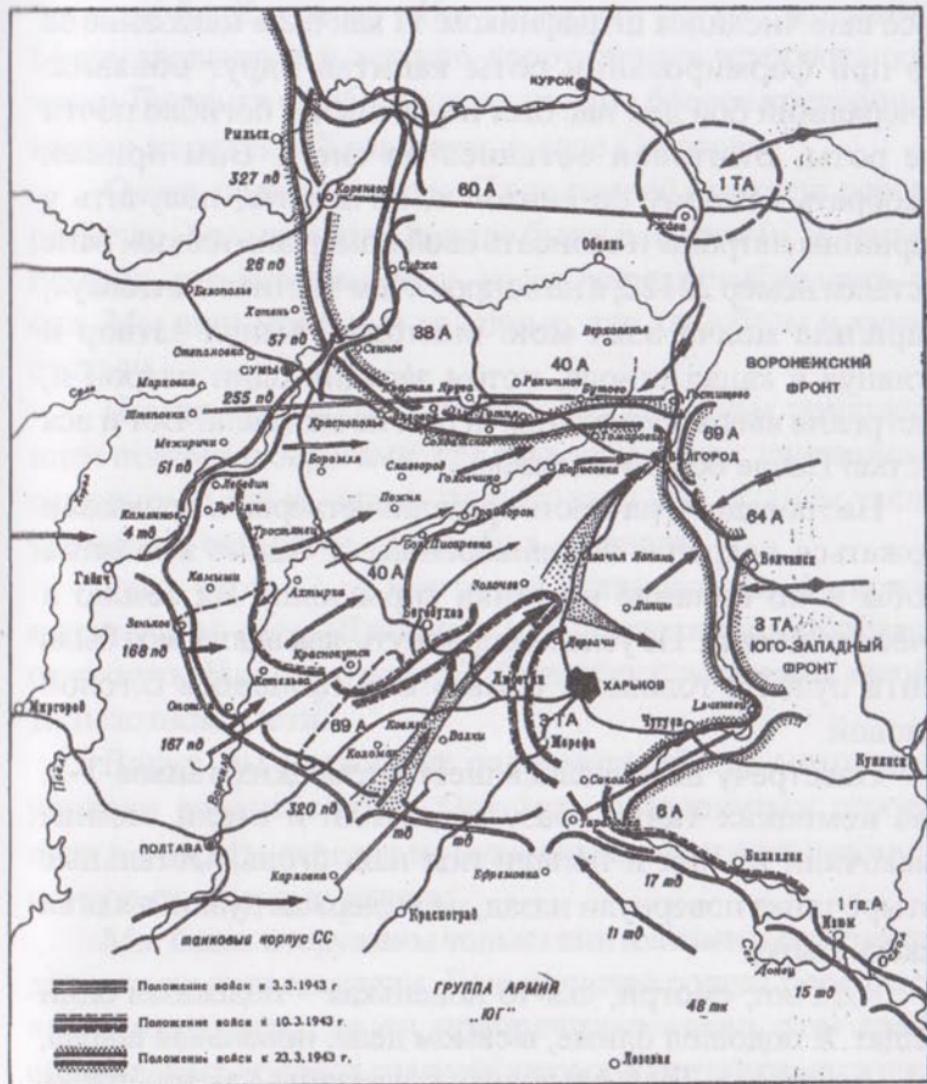
фашистское командование стремилось взять в клещи и окружить выдвинувшуюся далеко вперед 40-ю армию и потеснить ослабленные 69-ю и 3-ю танковые армии. Противник уже вел бои на юго-западной и южных окраинах Харькова. Четвертая попытка освобождения Харькова также окончилась неудачей. Чуть ниже я расскажу, какой трагедией эта неудача стала для меня, рядового солдата, а пока все же несколько слов о пятом, победном взятии родного города.

В марте 1943 г. на фронте наступило некоторое затишье. Войска принимали пополнение, технику. В начале мая началась битва на Курской дуге. Войска наших двух фронтов Центрального и Воронежского обрушили шквал артиллерийского огня на исходные позиции противника. В разгар боев на Курско-Орловской дуге пошли вперед другие армии, освобождая Донбасс.

Наше командование, учтя опыт предыдущих сражений, разгромили врага в прямой обороне, а затем перешли в контрнаступление. В ожесточенных танковых сражениях с обеих сторон участвовало по 500 и более танков, немцы перебрасывали подкрепление из Харькова и из Донбасса, облегчая наступление Воронежского и Степного фронтов.

В первых числах августа начались бои на Харьковском направлении. Войска Степного фронта под командованием генерала И.С. Конева подошли к Харькову и 22 августа почти полностью охватили его с нескольких сторон, не давая врагу уйти из города.

Успешно развивалось также наступление войск Юго-Западного фронта под командованием генерала Р.Я. Малиновского и войск Воронежского фронта под командованием генерала Н.Ф. Ватутина. 23 августа, при активном содействии войск всех трех фронтов Харьков,

Боевые действия 40-й армии в марте 1943 г.

наконец, с пятой попытки был освобожден окончательно.

Несколькоими месяцами раньше, в феврале 1943-го, после Сталинграда, фронт, наконец, двинулся на Запад. Фронту нужны были люди, даже ограниченно годные, такие как я. Нашу артиллерийскую часть разбили при переправе через Оскол, поэтому нас из запаса, как пополнение, бросили в эту часть, а поскольку новые пушки еще не прибыли, нас использовали в качестве пехоты, ведь

я все еще числился штрафником. И как бы в наказание за это при формировании роты капитан вдруг объявил: «Вчерашний бой для нас был неудачный – погибло почти две роты. Винтовки остались на снегу. Вам приказ: подобрать каждому по винтовке, почистить, получить у старшины патроны и записать свой номер винтовки». Мне достался номер 22122, а на вопрос «чем чистить винтовку», старшина молча взял мою винтовку, вынул затвор и заглянул в канал ствола, потом зарядил один патрон и, выстрелив вверх, сказал мне: «Пуля не застряла? Вот и вся чистка! После боя почишишь».

Нас посадили на шесть тридцатьчетверок и приказали держаться покрепче за приваренные к башне железные скобы и по команде из танка спрыгивать на землю в качестве десанта. Не успел я спрыгнуть, как шапка моя была сбита пулей с головы и бежать мне пришлось с голой головой.

Навстречу нам неслись шесть немецких танков Т-3. Два немецких танка сразу задымили и стали, немцы выскочили из них и попали под наш огонь. Остальные четыре танка повернули назад, не выдержав дуэли, а я стал искать шапку.

- Да вот, смотри, чья-то новенькая – подсказал один солдат. Я подошел ближе, в самом деле, новенькая шапка, но ... на голове. Тесёмки крепко подвязаны, так что шапка не слетела, даже когда в солдата попал подкалиберный снаряд, предназначенный нашему танку.

Я наступил ногой, развязал тесёмки, осмотрел шапку со всех сторон – нигде не было ни пятнышка крови, стряхнул с шапки снег, натянул себе на голову, поёжился от холода и пошел дальше. Война продолжалась.

Был с боем занят город Красноград, но к исходу дня 1-го марта его пришлось оставить, и началось отступление.

Немцы бросили в бой резервы, подошедшие из

Западной Европы. Не помогли нам и вновь сформированные и хорошо вооруженные чехословацкие части Людвига Свободы, получившие боевое крещение в начале марта под Харьковом, в селе Соколово.

Очень подвела погода. Из-за ранней оттепели дороги развезло. Большинство солдат были в валенках, шлепали по воде, подталкивая сани, когда лошади выбивались из сил. Мы шли мокрые и голодные, так как обозы и кухни отстали.

Немцы, наступая, шли по дорогам, а нам пришлось идти полями и оврагами, где еще лежал снег; двигались в основном ночью, когда подмораживало, а днем, если удавалось, отдыхали где-нибудь в овраге.

Рано утром 3-го марта мы остановились в овраге, недалеко от села Шляховое под Харьковом, собираясь отдохнуть. Нас было около 200 человек с остатками какой-то пехотной части.

Вдруг мы услышали равномерный гул моторов и увидели восемь танков. Они шли развернутым строем вниз по оврагу, стреляя из пулеметов, четыре по левому и четыре по правому склону.

Мы были вооружены только винтовками и опасности для них не представляли. Большинство солдат бросилось вниз по оврагу, где он поворачивал влево, там сразу образовалась толпа, и сразу же заговорили танковые пушки по этой толпе.

Мой друг, харьковчанин Виктор Нагорный, упал в канавку на дно оврага, где стоял, я последовал его примеру.

Танки медленно двигались на нас, продолжая стрелять.

Они были уже близко, когда я услышал, как вскрикнул Виктор. Последовало маленькое затишье, я подполз к Виктору, пуля вырвала у него из ноги приличный кусок мяса ниже ягодицы, из раны обильно текла кровь. Я

попытался перевязать ему ногу, но для этого надо было разрезать штанину, он воспротивился этому; повязка же поверх штанов ничего не дала, штанина наполнилась кровью. Вдруг резко возросла интенсивность стрельбы танков. Я оставил Виктора, прополз вперед несколько метров и вдруг почувствовал удар в голень левой ноги и в лоб над правой бровью. Кровь потекла по лицу и стала капать с кончика носа в снег, образуя воронку — я лежал лицом вниз. Вдруг услышал, что танк рядом. Чуть приоткрыл глаз, увидел его метрах в десяти с открытым люком из которого торчала голова немца в черном шлеме. Он что-то сказал механику, тот повернул башню влево и сделал два выстрела — я слышал звон выскакивающих гильз — и медленно поехал мимо меня.

Прошло полчаса. Танки ушли. Зашевелились оставшиеся в живых. Я приподнялся, став на левую ногу было больно, в сапоге, ниже колена была дырка как от фасоли, кровь текла в сапог. «Опять осколок — подумал я — хорошо хоть не пуля, был бы без ноги».

Подошел к Виктору, он лежал вниз лицом, очень бледный. Я сказал ему, что тоже ранен, но перевязать нечем. Ниже по оврагу, шагах в пятидесяти от нас лежали две убитые лошади. Они были запряжены в сани и так, в упряжи, приняли смерть. На одних санях лежало сено и солдатские одеяла. Я помог Виктору взобраться на сани и лечь, укрыл его одеялом, лег и сам рядом, укрылся и мы стали ждать, что будет дальше.

Наш командир был убит, а к нам подошел незнакомый лейтенант и спросил чего лежим, ответили, что раненые, перевязать нас некому и нечем. Узнав, что я ранен в ногу, он предложил обменять мой мокрый от крови сапог на сухие и теплые валенки. Я согласился. Он быстренько снял с меня сапоги, перемотал сухим концом портянки, сделал из сена стельки и надел валенки на меня. «Вот добрый

человек» – подумал я, тем более, что он в придачу положил нам с полкилограмма сливочного масла, трофейного конечно. Мы с Виктором стали лежа грызть его с двух сторон.

К соседним саням подскочил какой-то шустрый солдатик и обнаружил там прикрытую брезентом полевую кухню и воскликнул: «Да тут и пшено есть! И дрова! Сейчас кашу сварим!» Он схватил лопату и стал сгребать снег и бросать его в котел. Быстро разжег под котлом огонь, пристроил лежавшую рядом с котлом жестянную трубу, и сразу стало веселее на душе.

Увидав дымок, потянулись к нему уцелевшие и легкораненые солдаты, и вскоре около саней собралось человек 50 бойцов. Появилась и медсестра, молоденькая девочка. У нее уже не было бинтов, и она оторвала полоску от моей нижней рубашки и перевязала мне ногу и голову. Таким же образом был перевязан и Виктор.

Однако радость моя от теплых валенок была омрачена резкими уколами от сухого бурьяна, торчащего из снега, прямо в подошвы ног. Валенки были протерты так, что подошв вовсе не было, их заменяли стельки из сена. Стало понятно, почему тот лейтенант так охотно променял свои валенки на мои сапоги.

Так, в заботах, мы совсем забыли, что дым могли увидеть и немцы. Снова послышался шум моторов, и снова по обеим сторонам оврага стали спускаться восемь танков. Виктор лежал на санях неподвижно, он потерял много крови. Я растормошил его и сказал, что теперь танки нас просто раздавят, надо удирать.

Первым же снарядом немцы разбили кухню. Захватив левой рукой голенище валенка, я поковылял наискосок наверх, прочь из оврага. Виктор отказался последовать за мной. Бурьян сильно колол подошвы ног, но я упорно лез из оврага. И тут, нам на спасение, пошел снег! Крупные

хлопья слепили глаза, немцы перестали стрелять, а я все не переставал карабкаться прочь из этой западни. Выбравшись из оврага, я упал в снеговой намет, побарабхался в нем и отключился.

Метель все продолжалась...

Прошло много времени, пока я пришел в себя. Была ночь. Я лежал, уткнувшись носом в снег, пальцы рук были покрыты тонкой ледяной корочкой от подтаявшего и снова замерзшего снега. Ног я тоже не чувствовал, снег набился в дырявые подошвы валенок, и это не прибавляло тепла раненой ноге, ее я просто не чувствовал. Передо мной — я рассмотрел — было что-то темное, массивное. Строение? Нет, скирда соломы. Сразу осенило: очень удобное место для немецкого поста наблюдения. А вот и приглушенный разговор... Я пропал! И вдруг доносится простой русский мат... Ура! Наши! Я крикнул: «Братцы!» — молчок. Опять крикнул: «Братцы! Помогите раненому!» Подошли двое, спрашивают:

- Чего ты здесь?
- Не знаю, удирал от танков.
- Куда ранен?
- В ногу.

Помогли, затащили в нору под скирдой. Тепло. Дали закурить. Их оказалось восемь человек, среди них — двое раненых. Подремали до рассвета, потом вылезли, стали двигаться к видневшемуся невдалеке селу.

Все хаты пустые. Пошарили — ничего съестного не нашли. В одном, крупном кирпичном доме заметили в окне за занавеской горящую свечу. Постучали в окно. Оказалось — немцы согнали туда всех жителей села и приказали лечь на пол. Село Казачий Майдан. Нам посоветовали идти в лес, видневшийся в конце села, куда они направляли всех, выходящих из окружения. Идти мне было довольно трудно, хотя меня поддерживали под руки солдаты. В лесу на

поляне собралось уже человек 50 солдат, над затухающим костром висел довольно большой закопченный котел с пригоревшей на дне пшеничной кашей. Мы с жадностью бросились выскребать остатки и есть. Солдаты собирались в кучу. Среди них оказался один капитан. Он был сильно выпивши. Сидел на красивых санях на два человека. Рядом с ним сидела миловидная женщина в военной форме. Капитан громко разговаривал и обещал всех «вывести к своим». В руках у капитана была топографическая карта. Конечно, это придало нам уверенности, но меня смущали два обстоятельства. Во-первых, мои спутники встретили своих и меня оставили без поддержки, и второе – капитан был изрядно пьян и вряд ли мог разобраться в карте. Но делать нечего, я пошел со всеми, придерживая левый валенок и хромая. Постепенно отставал от толпы, но когда они останавливались на привал, я продолжать двигаться к голове колонны. На отдых оставалось совсем мало времени, потому что вместе с первыми трогался в путь и я, вслед за санками с пьяненьким капитаном. Лошадью правила женщина, а капитан, уткнувшись носом в уголок, спокойно спал. Не рискуя выходить на дороги, мы двигались какими-то перелесками и оврагами.

В одном месте нас обстреляли из пулемета. Засада была устроена на бугре, главенствующем над местностью. Шарахнулись в сторону и снова двинулись на северо-восток. Хотелось есть, болела нога, было тяжело идти. Вот показался железнодорожный переезд. Решили перейти железную дорогу, так как за ней виднелся лес, однако сделать это не удалось - на переезде тоже были немцы, нас опять обстреляли. Я со своей ногой с большим трудом перебрался через рельсы далеко от переезда под рокот пулеметных очередей.

После преодоления железнодорожных путей, продираясь через кусты, потерял ориентировку.

Выбравшись, вдруг увидел двух солдат в новеньком обмундировании, разжигающих маленький костер. Я подошел к ним и сказал, что тоже не против погреться. Они не отвечали. Молча достали из вещмешка маленькие банки тушенки, вскрывали их немецкими ножом с надписью «Blut und Ehre» и ели тушенку, разогрев на костерке.

Они говорили между собой тихо на каком-то языке и меня охватил страх - уж не к немцам ли я попал? Но тут в разговоре услышал слово «бельме» и понял, что это татары. Они угостили меня тушенкой с хлебом. Мы с трудом понимали друг друга, так как они плохо говорили по-русски.

Спросили меня, почему я держусь за валенок, это их удивило, они что-то быстро заговорили по-татарски, потом один взял большой нож с надписью «Blut und Ehre» и пошел в глубину леса. Мы остались у костра. Прошло довольно много времени, меня тревожила неопределенность положения. Надо было подумать и о ночлеге. Погода была хорошая, ласково светило солнце, от вчерашней снеговой кутерьмы не осталось и следа.

Я спрашивал у солдата, куда пошел его напарник, но он не сумел мне этого объяснить. Наконец тот показался, неся в руках какие-то палки. Оказалось, он вырезал мне костили: две палки с рогульками для подмышек. Я примерял – они были мне как раз впору. И хоть я не держался за валенок, но идти было удобно. Я горячо поблагодарил своего друга. Дальше наши пути разошлись.

Я вышел довольно бойко на просеку и увидел следы копыт. «Кто-то проехал на санях, значит село близко» – подумал я. Правда, к селу я подошел только к вечеру. Оно называлось «Велика Гомільша».

В хате, в которую я зашел, меня приветливо встретили, накормили, напоили молоком. Девочка, внучка

хозяйки, рассказала, что она из Харькова, прячется здесь у бабушки, чтобы не угнали в Германию. Узнав о ранении, предложила перевязать ногу, поскольку она окончила курсы медсестер.

С трудом стащили валенок – так опухла нога, но после перевязки и отдоиха я почувствовал себя лучше. Узнав как меня зовут, девочка стала называть меня «дядя Павло». Я сказал ей: «Какой же я тебе дядя, ведь всего на три года старше». Мне не поверили, настолько старым я им показался, небритый, неделю не умывался, грязный. Утром, позавтракав, я двинулся дальше. Хозяева показали мне дорогу, ведущую лесом прямо в г. Змиев, это была лесная просека. С утра идти было ничего, за ночь подморозило, а к полудню солнышко пригрело, снег подтаял, я сел на кочку, чтобы отдохнуть и подкрепиться тем, что дала с собой хозяйка, а запил талой водичкой из копытного следа. К вечеру добрался до Змиева.

К удивлению, я не встретил по дороге ни одного человека. Я был сам в лесу, вокруг шла война, страшная война! Когда стало совсем темно, зашел на окраину города, на улицу Лиманскую. Справа был пустырь, слева начинались дома. У второго от края дома меня окликнули: «Стой, кто идет?» я ответил, что идет раненый солдат. Часовой предложил мне зайти в дом и отметить в Особом отделе. Я взошел на крыльце, поставил костили в угол сеней, постучал и вошел в комнату. За столом сидя спал старший лейтенант, перед ним, на столе стояла коптилка из 45 мм снарядной гильзы и неполная трехлитровая банка мутной жидкости, стакан, за ними – наган.

Я подошел к столу и доложил. Он продолжал спать, а может быть придуривался. Я вернулся к двери, открыл и закрыл ее, при этом громко стукнув. Офицер вздрогнул и вскочив громко спросил: «Кто такой?» Я снова доложил,

кто я. Он стал медленно вылезать из-за стола, попутно беря в руки наган, почему-то за ствол. «Где винтовка?» – вдруг спросил он и стал бить меня рукояткой нагана по голове, по спине, повалил меня на пол и стал бить ногами.

Шапка моя слетела на пол, обнаружилась белая повязка с пропустившей кровью. «Чего голова завязана?» – спросил отышавшись он. Я ответил, что ранен осколком, и в ногу тоже. «Развязывай» – приказал он. Я развязал, пошла кровь. «Снимай валенок» – снова скомандовал он, и прибавил: «самострел? Я сейчас тебя шлепну!» Я снял валенок, размотал белые тряпочки. Опять пошла кровь. «Заматывай» – сказал он, мельком взглянув на ногу. «Как же я мог сам себя осколком? Товарищ старший лейтенант!» – удивился я. «Тебе брянский волк товарищ» – сказал он, снова садясь за стол, а я обувался, всхлипывая. Потом последовала процедура записи в книгу: кто, откуда, год рождения и т.д.

Потом он приоткрыл дверь и крикнул: «Часовой! Выведи его». И вытолкнул меня за дверь. Я хотел, было, вернуться за костылями, но подумал, что если сейчас «шлепнут», то не все ли равно, с костылями или без них...»

Мы вышли на улицу, я впереди, часовой сзади, подталкивая меня в спину автоматом. «За что же меня?» – стал я спрашивать часового? Он молчал. Я продолжал идти по дороге, все добиваясь ответа и ожидая выстрела в спину. Была ночь, смутно виднелись хаты села. Я присел, чтобы на фоне белеющей дороги посмотреть на часового. Его нигде не было видно. «Неужели отпустил?» – подумал я, и быстрее зашагал по дороге, к центру города.

Теперь я обратил внимание на звук далекой артиллерийской канонады, где-то, километрах в 20-ти, шел ночной бой. Значит, я лесом перешел линию фронта. Не видно было нигде ни души. Только в центре городка заметно какое-то движение. Несколько солдат грузили на

полуторку какие-то столы, стулья, свернутые в рулоны ковры. «Братцы! Подвезите раненого» – обратился я к ним. Один замахнулся на меня прикладом и сказал: «не видишь штаб выезжает?»

На выходе из города, на мосту через приток Донца, стоял часовой. Постояли, покурили, поговорили. Я рассказал ему, что опять началось отступление. Он рассказал, что немцы на днях здесь, в Змиеве, разбомбили госпиталь и мне придется добираться теперь либо в Чугуев, либо в Харьков, может по дороге кто на машину посадит. Потом он рассказал, что их здесь семеро, шесть солдат и сержант – разводящий. Охраняют мост. Он дал мне кусок хлеба, а я угостил его пригоршней махорки – я курил мало, и тронулся в путь, хотя было уже за полночь. Вот и Замостье уже кончилось, куда дальше? Развилок дороги. Налево, на Харьков, или направо, на Чугуев? Солдат сказал, что на Харьков больше идет машин, может подвезут?

И тут я заметил почти на краю поселка длинный барак и в нем одно светящееся окно. Решил отдохнуть. После долгого пути по лесу, после побоев в «Особом отделе» после всего пережитого... будь что будет!

Постучал в окно. Выглянула седая старушка и прокричала, что у них все двери с другой стороны, а сюда только окна. Обошел барак, старушка стояла у открытой двери. Я зашел. Комнатка была удивительно маленькая, всего метра 2 на 3, но было тепло и уютно. Я представился, рассказал о своих приключениях. Она рассказала, что работала до войны учительницей. Сын – на фронте.

Обстановка в комнатке была самая убогая, да и вообще можно ли было назвать маленький столик под окном, железную солдатскую кровать у стены и печь в углу обстановкой. Хозяйка напоила меня чаем с куском хлеба, я согрелся. После старуха сняла рядно с кровати и постелила

мне на полу, головой под столик. Спать оставалось мало времени - уже наступила глубокая ночь. Рано утром старуха пошла к соседу, рассказала обо мне. Тот собирался ехать к своей дочери в село Боровую, везти дочери зерна, и согласился хоть эти двадцать километров подвезти меня в сторону Харькова. Утром я вышел из дома, сел в сани и мы поехали. Подморозило, и лошадь бежала резво.

Приехали мы когда уже совсем развиднелось. Я поблагодарил возницу, и он высадил меня в центре села. По улице ходили солдаты. Прихрамывая, спросил у одного, где командир роты. Подошел к нему, доложил, кто я. Он сказал, что у них есть санчасть, что они в запасе, идут как пополнение, и взять меня к себе могут, только надо, согласно последнему приказу, пройти проверку в Особом отделе. Начальник Особого отдела в Харькове и будет только завтра. Потом он спросил, не голодный ли я? Получив утвердительный ответ, позвал солдата и приказал взять котелок и принести с кухни чего осталось. Солдат принес котелок супа с рыбой. От рыбы остались одни кости, а суп оказался такой соленый, что, немного похлебав, вылил его. Что делать? Двигаться дальше пешком или ловить попутную машину? Или ждать до завтра?

И тут я вспомнил, что перед войной у мамы на заводе в бухгалтерии цеха работала счетоводом девушка Дуся Мироненко родом из Боровой. Она бывала у нас дома, и я решил ее найти. Стал спрашивать у местных жителей, не знают ли такую. Оказалось, знают и сказали на какой улице и в каком доме живет. Дуся оказалась дома. Но и она с трудом в старом, заросшем солдате, грязном и усталом, узнала того мальчика-школьника, которого видела всего три года назад. Мне собрали на стол, накормили, дали умыться и отдохнуть. Вечер прошел в разговорах. Все спрашивали меня, почему опять стало слышно

артиллерийскую канонаду, почему мы опять отступаем. А что я им мог ответить? Особенно Дусю и ее мать поразил рассказ о моем посещении Особого отдела и они удивились, что я опять собираюсь туда идти.

Утром, позавтракав, отправился в путь. Искать «особыста» я передумал, тем более, что неожиданно приобрел двух замечательных спутников. Они сидели на лавочке у деревенского колодца, жевали вареные яички, ели котлеты и запивали водой из колодца. Оказалось, что вчера они были направлены Харьковским военкомом в воинскую часть, расположенную в Боровой, но она уже ушла. Их отослали обратно в военкомат. Мои новые знакомые переночевали в чьем-то сарае, а сейчас собираются в путь. Я подумал, что лучших попутчиков мне не найти, тем более, что у обоих были вещмешки с едой.

Я рассказал им вкратце о себе, они охотно согласились помочь мне при ходьбе. Новобранцы стали с обеих сторон по бокам, и мы тронулись в путь. Нас иногда обгоняли какие-то машины. Вначале я пытался их остановить, но на меня никто не обращал внимания и мы, передохнув, продолжали путь. Днем, сойдя с дороги, уселись на поваленный забор у одиноко стоявшей хаты. Окна и двери были крест-накрест забиты досками, жителей нигде не было видно. Подкрепились из вещмешков моих спутников и пошли дальше.

Уже начало смеркаться, когда добрались до Безлюдовки; с большим трудом преодолел я станцию Основу, удивляясь, как много рельсов пришлось перейти, ведь через каждую переступить, значило перетащить руками мою левую, пробитую ногу, а она уже так распухла и онемела, что совсем меня не слушалась. В темноте пришлось преодолевать еще одно препятствие: металлический железнодорожный мост через реку Лопань был взорван посередине и опустился взорванными

концами на дно неглубокой речки. Положенные на переплеты широкие доски позволили нам перебраться через реку. Один мой спутник шел впереди, держа меня за руку, другой подталкивал. Так, в темноте, почти наощупь, мы перебрались через реку. Дальше пошли знакомые места. Сюда мы мальчишками бегали купаться. Вот и знакомая улица, родной дом! Мне часто он снился по ночам, давно я дома не был, как он? Не разбит ли? Не сгорел? Нет, вроде цел. Ставни закрыты. Стучу в окно. Выбегает отец, спрашивает: «Кто там?». Открывает калитку и, увидев сына с криком обратно в дом: «Мать! Сын пришел!» Выскакивают вдвоем, за ними сестра, начинают меня обнимать, а я стоять уже не могу, устал, падаю.

Меня подхватывают на руки, втаскивают в комнату. У нас тепло, за столом сидят два солдата, оторопело смотрят на нас, мать сквозь слезы радости им рассказывает, что это тот самый сын, про которого она им все время рассказывала — они у нас на квартире уже две недели — от которого давно нет никакой весточки, что он тоже, как и они, артиллерист и т.д. и т.п.

Про моих спутников в первый момент забыли, и они стояли в сторонке молча. Потом выяснилось, что им домой сейчас не дойти на Лысую гору. Уже поздно, комендантский час. Отец предложил переночевать у нас, а завтра утром отправиться домой.

Папа раздел меня, снял валенки. Левый пришлось разрезать — так опухла нога. Взял меня на руки и положил в корыто, благо печка еще топилась и было много горячей воды. Выкупав, переодели в чистое белье, положили на кровать и я, испытав столько мук и физической боли, попав в чистую постель и тепло родного дома, заплакал...

Солдаты стали расспрашивать, как дела на фронте, рассказали, что они тоже артиллеристы из дальнобойной 152 мм пушки-гаубицы. Орудия стоят напротив нашего

дома, на полянке, уже две недели их не посылают на передовую. Рассказали, как мать за ними ухаживает, всех обстирала и т.д. что они ей очень благодарны. В это время зашел старшина батареи пообещал завтра же похлопотать, чтобы меня поместили в их санчасть. Они, мол, видят, кто я, кто мои родители и в благодарность за заботу моей матери о бойцах, сделают это.

Утихшая было канонада, всю дорогу преследовавшая нас, снова возобновилась и даже приблизилась. Перед рассветом прибежал старшина и крикнул два слова: «Подъем! Отбой-поход!» Бойцы вскочили и через несколько минут один из них одетый, с винтовкой заглянул ко мне и крикнул: «Держись! Мы временно уходим, немцы за железнодорожной насыпью! Но мы вернемся!»...

Наступило невеселое утро. Тишина, ни шума, ни выстрелов. Отец все время находился во дворе, у калитки, выглядывал на улицу. По улице проехал мотоцикл с коляской, на коляске пулемет. Тишина. На другой день оказалось, что немцы заняли трехэтажное здание школы напротив нас и устроили там узел связи, а пустой дом по соседству с нами заняла группа солдат, человек десять. Один прибежал к нам и сказал: «Мама, вашен, вашен!» Отец тут же перевел, что они просят постирать. Через день принесли еще десять пар белья, и попросили убрать у них в комнатах. Мама перед войной работала на заводе цеховым бухгалтером, у отца тоже была самая мирная профессия - музыкальный мастер, но голод не тетка. Пришлось отцу носить воду и топить печь, а мать стала прачкой. Немцы хорошо платили, и когда узнали, что мы голодаем, стали помогать продуктами, хлебом. Мое присутствие их мало интересовало, тем более, что отец объяснил им, что я пострадал при бомбёжке города - получил осколок в ногу.

Между тем фронт снова отодвинулся на восток до

Донца. В городе затеплилась жизнь. Однажды на базаре отец встретил знакомого, у которого перед войной ремонтировал пианино. Отец вспомнил, что он был врач, хирург. Разговорились. Врач рассказал, что комендант города разрешил открыть в городе Родильный дом, поскольку женщины ждать конца войны не могут и его приняли туда хирургом-акушером. И после очень долгих переговоров отцу удалось уговорить этого врача Голобородько сделать мне (не бесплатно!) операцию - извлечь осколок. Доставили меня на Костюринский переулок под вечер, как позволял комендантский час, операцию делали поздно вечером, предупредили, чтобы не кричал. А как же было не кричать, если рана нагноилась, наркоз не действовал, да и мало его было. Когда было особенно больно, я вскрикивал, но меня сейчас же прикрывала подушкой стоящая рядом санитарка. Наконец врач нашупал осколок, вытащил его и показал мне. Я его не видел, так как к тому времени уже был без памяти.

Удивительно, что врач вообще нашел его без рентгена, только по направлению зонда, который он вставил во входное отверстие, и по глубине раны. Конечно, это был большой риск для врача. Кто-то из рожениц мог услышать мой крик, доложить немцам. Ведь по городу были расклеены призывы выдавать раненых красноармейцев, за невыполнение – расстрел. Но - обошлось. Утром отец приехал за мной с двухколесной тачкой и одеялами и отвез домой. Началось выздоровление. На вопрос отца, какие лекарства теперь нужны, врач ответил: «Курятина, питание»...

Между тем, наступила весна, распустились деревца во дворе, я стал потихоньку опускать ногу с постели и, становясь на пятку, выходить во двор. На нашей глухой окраине было тихо, никакого передвижения войск, ни даже автомашин не было. Мама иногда ходила на базар и

однажды встретила девушку, свою бывшую помощницу – счетовода из цеховой бухгалтерии, Наташу Диденко, рассказала ей о своей радости и горе одновременно: о приходе домой раненого сына. Та посочувствовала и пообещала помочь. Тем более надо было что-то предпринимать, потому что на мое имя почтальон вдруг привнес повестку с биржи труда для отправки в Германию. Очевидно, кто-то из соседей доложил, что «ходит по двору молодой парень призывного возраста»...

Соседка Зина, до войны учившаяся в мединституте, разрисовала рану на ноге, забинтовала, достала костили и проводила на медкомиссию. Она располагалась по улице Сумской, 17, в доме «Саламандра». Немцу-врачу сказали, что ранен при бомбекке города. Он дал отсрочку от Германии на полгода.

Помощь Наташи оказалась неожиданно очень существенной. Дело в том, что отец ее был пожарником, и не рядовым, а начальником 4-й пожарной команды, находящейся недалеко от нас, на Квиткинском базаре. Там стояла высокая кирпичная каланча, а наверху дежурил пожарный. Здесь следует подробнее рассказать о Пожарной команде города во время оккупации. Дело в том, что тогда, да, наверное, и сейчас, вся пожарная команда города укомплектовывалась в основном ребятами из сельской местности, их было до 90%. Они постепенно оказывались поближе к работе, в пригороде, снимали квартиры или получали участки и строились. Это были большие труженики. Их устраивало дежурство раз в три дня. Горело в городе нечасто и они, натрудившись дома за двое суток, третьи умудрялись отдохнуть на дежурстве. Пожарная команда была подведомственна НКВД, но редко кто из них был член партии, хотя все они имели «броню» даже во время войны от службы в армии. Короче говоря, почти никто из них не эвакуировался с отступающими

войсками и оказалось, что бывшему «брандмайору» Васильеву, по какой-то причине не отступившему на Восток, не составило большого труда собрать большой коллектив и создать 11 или 12 пожарных частей во всем городе. Немцы охотно пошли на это потому, что их солдаты селились в пустых домах, а шла зима, топили прямо в комнатах установленными «буржуйками», выводя трубы в окно, что приводило к частым возгораниям. Пожарная команда была очень даже нужна. Поэтому все пожарники были поставлены на военное солдатское довольствие, включая буханку хлеба и шесть сигарет в день или пачку табака на неделю. В то голодное время это было очень заманчиво. Так что, несмотря на протекцию со стороны дочери и неплохую взятку, мне пришлось внести еще один «вступительный взнос» при личной встрече. Диценко, узнав что я немножко рисую, дал мне открытку с портретом Гитлера и сказал, что надо нарисовать увеличенный портрет, чтобы повесить на стену. Я нашел кусок ватмана величиной с двойной тетрадный лист и черным карандашом нарисовал его. Обещание он выполнил: я стал «пожарником». На пожары я, правда, не ездил, но работа мне нашлась.

Несколько раз в сутки я дежурил на каланче, всматриваясь в окрестности, нет ли где-нибудь дыма. На пожар обычно выезжали две машины и цистерна с водой, ведь водопровод в городе не работал. Всего набиралось примерно 10-12 человек пожарных. Поскольку дежурили через двое суток на третью, то всего в каждой части было 36 человек. Таким образом, в 11 или 12 пожарных частях служило несколько сотен. Вот такой, примерно был состав Пожарной команды города Харькова. Все эти почти четыре сотни человек получали паек и небольшие деньги. Мне мой начальник все время подыскивал какую-то работу. Я вырезал трафарет из картона и постепенно во всех пожарных частях на автомашинах набил текст: «Пожарная

Июль 1943г. Автор во втором ряду сверху, шестой слева

команда г. Харькова» и номер пожарной части. Для этого меня возили на машине во все части города от Тракторного завода до Новой Баварии. Потом нарезал из толстого восьмимиллиметрового стекла куски 50 на 60 см и с обратной стороны белой краской надписал «Пожарная часть №... г. Харькова». Когда надпись высохла, залил фон черным лаком. Эти доски укрепили на всех пожарных частях. Надписи были сделаны крупными буквами на немецком языке. На работу я ходил сперва с костылем, потом с палочкой и каждую ночь пару часов дежурил на каланче.

Все пожарники моей смены были, как я уже говорил, из пригорода, только шофера на двух автомашинах и на цистерне были городские. Раз в неделю один человек ездил в Центральную часть №1, она находилась в красивом трехэтажном здании рядом с Ломбардом на

Университетской улице (его снесли при строительстве метро), привозил хлеб и другие продукты на неделю и раздавал нам по списку. Все пожарные части были телефонизированы и имели связь с Центральной. Там же, в Центральной, сидел брандмайор Васильев, очень хороший, душевный человек, и его заместители: по кадрам – Кривонос, по технике – Мурашков и другие. С немецкой стороны за работой команды присматривалиoberлейтенант Баденберг и его помощник мастер Фогль. Немцы ни во что не вмешивались, у нас не было никаких политинформаций, соцсоревнований, лекций. Не помню, чтобы кто-то нарушил дисциплину или нерадиво относился к работе, так дорог был кусок хлеба.

Жизнь, как зебра, имеет черные и белые полосы. Такая полоса наступила и у нас. Немцы объявили, что надо всей команде выехать в Полтавскую область, временно, с машинами и цистернами с водой, для усиления Полтавской пожарной команды. Через месяц последовало перемещение из Полтавской области в маленький городок Меджибож, недалеко от Проскурова. Стало ясно, что наше „перемещение“ связано с передвижением фронта на запад. При этом оказалось, что те несколько женщин-телефонисток, которые были с нами, куда-то исчезли. При этом немцы ужесточили дисциплину.

Следующая остановка была в Львовской области в городке Яворов. Мы попали в трудные условия: местное население относилось к нам, как к немцам – одинаково враждебно, называя нас «советами», кругом по лесам бродили какие-то вооруженные группы, воевавшие и против немцев и против русских, и между собой.

В душе росла смутная тревога. Что с нами будет?

Пока что немцы на каждом новом месте аккуратно прикреплялись к пункту питания и получали хлеб и другие продукты на всю команду, но такая ситуация не могла

тянуться долго.

Наступивший новый 1944-й год принес изменения.

Оберлейтенант Баденберг и мастер Фогль передали всю пожарную команду местному коменданту пану Грету. Он выдал нам талоны на разовое питание в столовой и расселил нас по квартирам в пустующие дома. Немцы, доложив в местную полицию о нас, харьковских пожарниках, чтобы те не спутали с „бандеровцами”, против которых устраивались облавы, сами отбыли на фронт. Поголодав несколько дней, я нашел работу в какой-то немецкой слесарной мастерской слесарем, где кормили, и тут же получил задание запаивать литровые жестяные банки, в которые немцы наливали растопленный свиной смалец через маленькую дырочку в крышке. Эти дырочки я и запаивал. Банки немцы отправляли домой, в Германию. В мастерской работало человек 30 немцев и шестеро русских из военнопленных.

Жил я в проходной комнатке, точнее коридорчике, на втором этаже дома, а в комнате жила семья муж, жена с маленьким ребенком и старухой матерью: артисты театра из г. Винницы. Это был деревянный двухэтажный домик в центре городка; на первом этаже была столовая, где я обедал по талонам. В глубине зала сидел парень с ярко-красным баяном и играл украинские мелодии.

Я подсел к нему, познакомились. Я рассказал ему о себе, о том, что тоже играл когда-то, до ранения в руку. Сейчас не смогу. Подружились. Звали его Сергей Грушенко. Он тоже был из Винницкого театра. Рассказал, что группа артистов театра, он в их числе, клюнули на обещание главного режиссера, посулившего им безбедное существование на пару месяцев, «пока фронт стабилизируется», здесь в Яворове.

Артисты репетируют и ставят в местном небольшом театре украинские пьесы, и имеют успех, а он, Сергей, обеспечивает музыкальное сопровождение. Там удалось

мне несколько раз прослушать «Запорожца за Дунаем» (конечно, бесплатно, денег-то не было).

Сергей играл для посетителей столовой бесплатно, но зато целый день был сыт.

Немцы ремонтировали автомашины, русские им помогали. Чувствовалось приближение фронта, но о побеге не могло быть и речи. Некуда было бежать.

В центре городка была квадратная площадь со сквериком, там росли молодые деревца и стояли садовые скамейки. Как-то в воскресенье — уже в марте 44-го года, я сидел на скамейке и курил. Пригревало солнце, на соседней скамейке сидел немец и пытался прикурить, но спички кончились. И он на чистом русском языке сказал: «дай прикурить». Я дал ему прикурить, разговорились. Он рассказал, что попал в плен к немцам под Смоленском в 42-м. Побывал в лагере, изголодался так, что согласился на службу у немцев и одел форму. Сам москвич, зовут Дмитрий Соколов, служит автослесарем в мастерской, винтовки в руки еще не брал. Немцы ценят его за то, что по звуку мотора может определить его неисправности. Проработал полгода и получил положенный отпуск на две недели. Мог поехать в любое место, но немецкого языка не знает и приехал в Яворов, где стояли в 1941-м, когда был красноармейцем. Здесь познакомился с девчонкой. Во время нашей беседы к нам подошел немецкий патруль: два немца в касках, с винтовками, на груди у них висели овальные бляхи с надписью «фельджандармерия». Они проверили у него документы, молча отдали честь и пошли дальше.

В том же скверике как-то ко мне подошел развязный молодой парень, закурили, разговорились. Назвал он себя Владимиром Гвоздевским. Стал расспрашивать откуда я, как сюда попал. Я рассказал ему свою историю, службу в армии, первое ранение, плен, опять в армии, второе

ранение, работа в пожарной команде. Особенно его интересовало, как допрашивали в Особом отделе. Я откровенно рассказал, что все особисты допрос начинали с побоев и все обещали «шлепнуть», т.е. расстрелять, и это были не пустые обещания.

Когда в феврале 1943-го нас, как пополнение, гнали на фронт, однажды пришлось заночевать в какой-то школе на краю села. Одного солдата заставили нарубить дров, чтобы пропотеть, а он нечаянно (или нарочно?) отрубил себе палец на левой руке. Второй солдат чистил винтовку в тот же день и нечаянно (или нарочно?) после чистки закрыл затвор и спустил курок. В магазине был патрон и он отстрелил себе палец на ноге.

В тот же день явился майор, низенький, с неприятным лицом, поставил наш батальон полукругом, заставил тех обоих стать на колени, зачитал решение «тройки» (хотя он был один), подошел к солдатам и хладнокровно выстрелил им в затылок из нагана, предварительно сняв с них шапки.

Потом сказал короткую речь, обращаясь к нам, что так будет с каждым, кто попытается «уклониться» и т.д. и т.п.

Наутро мы пошли дальше, а они остались там лежать.

Владимиру я сказал, что по-моему настоящему шпиону или разведчику ничего не стоит «проскочить» у такого особиста, подумаешь, побои выдержать!

При этих словах Владимир вдруг вытащил из-за пояса пистолет ТТ, направил мне в живот и сказал, что он и есть такой разведчик, и ему поручено завербовать из русских еще одного в их группу.

Я разинул рот от удивления и подумал: что им от меня надо? В учебном артдивизионе особист предлагал сотрудничать, здесь этот подонок... Чем я им нравлюсь?

А Володьке я сказал, что подумаю.

На другой день я все, как сумел, рассказал немцу, своему работодателю. Он на удивление быстро все понял,

достал листок бумаги, карандаш, дал мне и сказал: «пиши латинскими буквами имя, фамилию, откуда родом». Я написал. Через полчаса он принес мне документ, отпечатанный на машинке с печатью и подписью. Немец мне объяснил, что там написано, что «такой-то работает при воинской части номер такой-то и обязан являться на работу к 8 часам утра каждый день, кроме воскресенья»

Вечером, я показал Володьке этот документ и перевел ему текст, как мне объяснил немец.

Володька записал номер воинской части и ушел, больше я его не видел.

Однажды утром немец бросил мне комбинезон и сказал, чтобы я переоделся, как остальные русские, потому что предстоит грязная работа, и при этом все время ругался. Вид у него был подавленный. Я понял, что «дело дрянь».

Мы погрузили разобранные моторы на машины, взяли их на буксир и так повезли все 12 машин в Перемышль, там погрузили их на платформы и на другой день эшелон под вечер тронулся в путь...

Ехали много часов подряд, останавливались ночью на пару часов, нам разносили в котелках еду и ехали дальше. Нас было семеро русских, всех тревожил один вопрос: куда везут? Неужели в Германию?

На одной из остановок мы обнаружили, что на вагонах и платформах нашего эшелона прикреплены квадратные листки бумаги с надписью места назначения латинскими буквами: Ковачица. Что же это за загадочная Ковачица? Слово как будто славянское.

Наконец, вот и она сама!

Эшелон загнали на запасной путь, и началась разгрузка. Местные жители издали наблюдали. К обеду разгрузку закончили.

Спрашиваем у местных жителей кто они, нам в ответ:

- Словаки.

- Значит мы в Чехословакии?
- Нет - отрицательно крутят головой.
- А что же это за страна?
- Югославия.
- Вот занесло, так занесло! – подумали мы.

Вскоре общение с местными жителями стало простым и понятным, особенно для украинцев. Село было крупным, зажиточным. Удивила правильная планировка улиц, прямоугольники кварталов. В центре прямоугольная площадь и довольно высокий костел.

В дальнейшем жители рассказали, что основное заселение этой местности произошло во времена Австро-Венгрии и после ее распада. Территория эта, Банат, заселена, наряду с сербами, и словаками, и мадьярами, и немцами-швабами. Деревни перемежаются между собой, а люди, общаясь с соседями, выучивают их язык.

Впоследствии я не раз убеждался, как это здорово, когда знаешь столько языков.

Немцы распределили всех, в том числе и нас, русских, по квартирам, а мастерская и машины расположились в большом дворе бывшего кинотеатра, принадлежавшего немцу Штимлеру, давно умершему. Вдова его была сербиянкой, или по ихнему сербкиней. У нее были две дочери лет 18-20, красивые девушки, бегло говорившие на всех языках.

Как известно, немцы напали на Югославию 6-го апреля 1941-го и за неделю захватили всю страну. Боев серьезных не было, так что в Ковачице с приходом немцев ничего не изменилось. Так же работали в поле, так же платили налог. Не понимали, как это у нас на Украине люди умирали с голода. Крестьяне мололи на мельнице муку, пекарь пек чудесные белые-белые двух-пяти килограммовые буханки хлеба, и все были сыты.

А вот «дружба народов» сразу нарушилась, поскольку

немцы объявили местным швабам, что они – «высшая раса», и поэтому забрали у них всех мужчин призывного возраста в армию, а им прислали вместо них «рабов» из низшей расы: сербов, словаков.

Моим хозяином оказался замечательный крестьянин дядя Ферро Грешик. «Дядя» по- словацки «батя».

Этот батя Ферро долго ко мне присматривался, когда я буду пить водку и дебоширить, но я его успокоил, что водки не пью, рассказал о себе, о своей семье и вскоре завоевал доверие настолько, что он предложил мне обедать с ними, а не ходить получать в котелках из солдатской кухни. Было очень трогательно смотреть на это семейство Грешиков, батю Ферро, няню (тетю) Анну, и дочку лет 12-ти сидящими за столом и ожидающими, когда придет Палё-рус обедать.

У бати Ферро было хозяйство: одна корова, одна лошадь и пара свиней. Были у него еще два сына, старший Ферро был женат, имел свое хозяйство, а младший, Яно, работал батраком у немца в соседнем селе.

Однажды, в июле батя Ферро попросил меня помочь ему по хозяйству. Он арендовал два гектара земли и сеял пшеницу; пришло время уборки урожая.

Рано утром в воскресенье мы вчетвером выехали в поле. Батя Ферро косил, няня Анна и я вязали, Анка нам помогала. Не помню, сколько мы сделали, устал я сильно. Я – городской житель и дома этим никогда не занимался. Руки были сильно оцарапаны стеблями колосьев, но я был доволен, что помог хоть чем-то моему хозяину. Доволен был и он.

* * *

Югославия – многонациональное государство, и хоть говорят почти все на одном языке – сербохорватском, но распри случаются между народами постоянно. И большая заслуга коммуниста Иосифа Броз – «Маршала Тито»,

объединившего все население Югославии, все народы одним простым и всем понятным лозунгом: «Смерть фашизму, свобода народу!»

Основная масса народа примкнула к партизанскому движению, кроме нескольких отрядов королевской армии, не сдавшейся немцам и продолжающей борьбу против них и против партизан. Руководил ими генерал королевской армии Драже Михайлович. Кроме него подняли голову националисты, всякие Недичи, Павеличи, а это сильно затрудняло борьбу с немецкими оккупантами. Тем не менее, фронт неуклонно приближался.

Из отдельных партизанских отрядов, слабо вооруженных и не обмундированных, к 1944-му году создана Народная армия, в основном вооруженная трофейным оружием, добытым в боях, но имеющая и тяжелое оружие, пулеметы, минометы и артиллерию нашего производства.

Кроме Югославской Народной армии, было созвано Антифашистское Вече Народных представителей, которое своим решением лишило короля гражданства за бездеятельность в тяжелое для страны время немецкой агрессии. Он, вместо организации отпора врагу, оставил страну и удрал в Англию, после чего была провозглашена Республика.

К середине октября 1944-го года мастерская, в которой я работал, собралась, погрузилась на машины и отбыла на запад. Настроение у всех немцев было паническое.

Сначала хотели прихватить с собой и плленных, работавших у них, человек одиннадцать, среди них два француза и три голландца, но потом махнули рукой.

Русские вошли в село тихо, без боя, одновременно с отрядом Югославской Народной Армии.

Машина «Виллис» остановилась посреди дороги и подполковник – летчик громко спросил:

– По-русски кто-нибудь понимает? – я ответил, что я

русский. Он спросил, знаю ли я местность, ему надо выбрать ровную площадку для временного аэродрома. Я сел рядом с ним в машину, мы выехали за село и через полчаса нашли нужную площадку, поскольку местность вокруг села была удивительно ровной, это все была пойма реки Дунай и ее притока Савы.

Подполковник высадил меня в селе. На мой вопрос, не пригодился бы я ему впредь, потому как начинал войну зенитчиком, а у них наверняка есть БАО – батальон аэродромного обслуживания, где я служил после ранения, подполковник ответил, что в войска поступил строгий приказ: «Никого со стороны не брать, только через запасной полк, после проверки Особым отделом».

– Жди, скоро будет приказ, когда и куда явиться.

Приказа не было ни в октябре, ни в ноябре, ни в декабре. Нас, русских, в селе осталось трое. Остальные куда-то выехали, исчезли и французы и голландцы.

Мой хозяин, батя Ферро, стал подозрительно на меня поглядывать. Однажды он спросил меня: точно ли я русский и почему не иду опять служить в армию.

Я с трудом объяснил ему ситуацию, но сам понял, что надо искать новое место жизни, новое жилье.

С питанием вопрос решился проще, новые хозяева села устроили столовую для набираемого пополнения в Югославскую Армию, в этом Сельсовете хорошо знали, кто такой Палё-рус и прикрепили меня к этой столовой.

Жилье мне предложил батя Адам Дюришев, глубоко верующий человек, баптист. Он жил напротив бати Ферро, на той же улице. Это был мужчина за 60 лет, жена у него недавно умерла, оставил ему шестерых детей. Младшей было лет 5, а старшей был 21 год. Она вела хозяйство в доме, а дом был большой. Две ее сестры работали в огороде, брат выучился на столяра и начинал работать самостоятельно, предпоследний мальчик был школьником.

Все были при деле, а я? Тут на помощь снова пришел батя Ферро. Он предложил мне поработать на мельнице,

вместо ушедших на фронт. Он стал помощником мельника, мне же предложил должность пильщика дров, поскольку мельница работала от газогенераторного мотора. Моя задача была привозимые вместе с зерном дрова взвешивать, распиливать на циркулярке на небольшие куски и бросать в топку, поддерживая непрерывность горения.

Я быстро освоил работу и выполнял ее с охотой, тем более, что за нее отлично платили. Все деньги я отдавал старшой дочери бати Адама Марие.

Так прошло три месяца. Наконец, по улицам были расклеены объявления, чтобы «все граждане ССРР, попавшие на территорию Югославии в ходе этой войны, явились в Белград, в «Военную миссию».

Прощание с Ковачицей было трогательным, все-таки полтора года жизни прошли в ней. «Военная миссия» находилась в центре города, в красивом трехэтажном здании. Все лестницы и коридоры были забиты явившимися по объявлению. Их было так много, что стоять в очереди, выстроившейся гуськом и медленно двигавшейся, пришлось очень долго.

«Прием» проводил холеный старшина в офицерском обмундировании. Он вел регистрацию прибывших, бросая короткие вопросы и записывая ответы в толстую тетрадь.

Он почему-то мне сразу не понравился.

Среди нас были люди прибывшие из воинских частей Югославской Народной Армии, участвовавшие в боях и заслужившие звание командиров взводов, рот и даже батальонов. Многие из них были награждены медалями «За храбрость» и орденами «Братство и единство», недавно введенными наградами Югославской Народной Армии.

Старшина коротко бросал: «Награды на стол, документы на них тоже», потом он одним движением руки сгребал это все со стола в ящик стола и кричал: «Следующий!»

Сержант сидевший рядом, отсчитывал по 30 человек, вручал всем номерки и отправлял в соседнее здание школы, где в трех классах садились за парты и заполняли выданные анкеты, это был Особый отдел, но он назывался теперь СМЕРШ. «Ну, слава Богу, кажется бить не будут» – подумал я.

Заполнили анкеты и дружно пошли в столовую. По выданным номеркам получили ужин, оттуда строем в большой зал, где на полу лежали матрасы без простыней и одеял.

Утром строем, повзводно, по 30 человек, на вокзал, оттуда с сопровождающим на поезд в г. Суботицу, в Запасной полк.

Не всем нравился такой распорядок, особенно возмущались те, у кого отобрали награды, а при заполнении Красноармейской книжки писали: рядовой, а тем, кто возмущался, говорили: «Был в плену? Теперь надо кровью смыть это позорное пятно». На мои слова, что я уже дважды ранен, в 1941-м и 1943-м, говорили: «А где справки о ранении?»

И в самом деле, а где справки? Кто мог их выдать в 1941-м под Пирятином или под Красноградом в 1943-м? Где были те госпитали?

III. Третье ранение

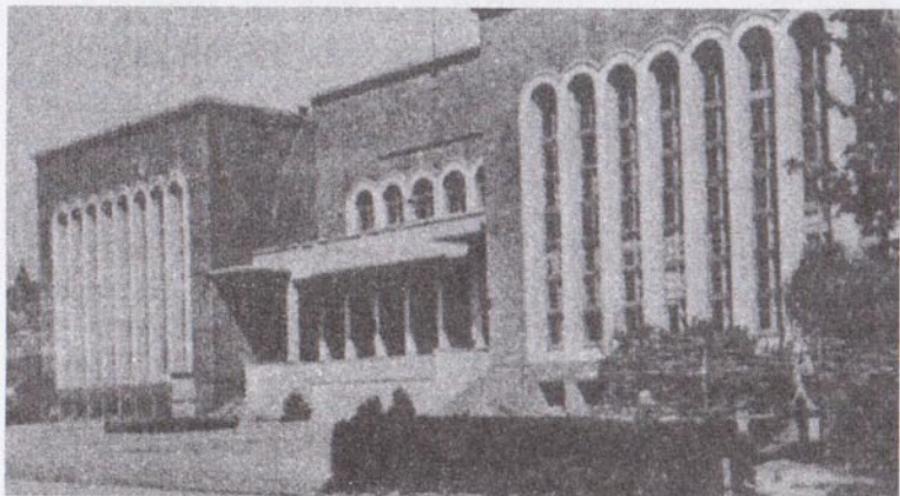
Итак, я снова в запасном полку. Городок Суботица небольшой, но довольно красивый, кругом асфальт, а в центре даже брусчатка в узорах, в общем - Европа, хотя это всего-то северо-восточный уголок Югославии. Здесь сходятся границы Румынии, Сербии и Венгрии, и все близлежащие города и села имеют названия на нескольких языках: Суботица – Сободка, Петровград – Бечкерек, Темишора – Темешвар, Кралевичево – Францфельд. И все потому, что этой спорной территорией по очереди владели

соседи: Румыния, Австро-Венгрия, Югославия.

Много сел, и довольно крупных, целые анклавы, находятся рядом, говорят на своем языке, но знают и языки соседей. Словаки знают сербский и венгерский и немецкий (так называемый «швабский»), живут на удивление дружно. Эта часть Югославии называется Банат, административно – Воеводина.

Пробыл в запасном полку я недолго. В это время шли тяжелые бои с переменным успехом возле Секешфегирвара. Кормили плохо, потому что каждый день прибывали новые люди: из госпиталей и с освобожденной территории. Это были русские солдаты, бежавшие из плена или вывезенные, как я, из России. Еще с октября, сразу после прихода наших войск, я попытался попасть в воинскую часть. Мне сказали, что им запрещено брать «кого попало», только централизованно, через запасной полк, о чем будет особый приказ.

И вот, в январе 45-го по селу был расклеен приказ. Я попал в запасной 200-й полк. Квартировали мы в большом помещении, каком-то складе, на нарах в два этажа. Раз в два дня всех выводили во двор на занятия строевой подготовкой, на два часа. После обеда приезжали «покупатели» и отбирали нужный контингент: летчиков, танкистов и т.д. У меня в Красноармейской книжке было написано: «зенитная артиллерия». Наконец пришел какой-то старший лейтенант, набрал 30 человек в пехоту и сказал мне: «выходи «штрафник» – там разберемся». Он был сам из госпиталя, выздоравливающий, и не очень стремился опять на фронт, поэтому построил нас и объявил, что у него предписание: доставить в 703 полк пополнение «своим ходом». Срок не указан. Завтра получаем новое обмундирование, продукты и выступаем. Обедать будем на привале в крупных населенных пунктах, завтракать и ужинать на ночлеге всухомятку, где придется. Мы

1945 г. г.Суботица. Югославия

tronулись в путь.

Мы проходили в день 30, иногда 40 км, шли по местам недавних боев. Сначала шли по территории Югославии, потом Венгрии. Все время на Север. Из крупных городов запомнились югославский Новый Сад, очень красивый город на Дунае, а дальше пошли венгерские Секешфегирвар, Веспрем, на берегу большого озера Балатон, и далее Рум, Раба, Папа, Айка и только в конце января попали в полк, стоящий на границе с Австрией в г. Шопрон. Мы были в пути больше двух недель, запомнился ночлег в церкви в Секешфегирваре с пробитой дырой в куполе. Ночевали и в одном графском имении, в замке на горе, с красивыми стрельчатыми окнами, задрапированными бархатными зелеными шторами, которые солдаты тут же приспособили на портьяники.

Местность, по которой мы шли, была в основном равнинная. Справа и слева располагались сплошные виноградники. Села, встречавшиеся на пути, вызывали ощущение зажиточности, дома крепкие, под черепицей. Людей почти не видно. С нами не хотят разговаривать. Отвечают односложно: «нинч», значит «нет», или «нем

1945 г. г. Суботица. Югославия

тудом» — «не понимаю». Дороги всюду хорошие, на них обилие красивых брошенных велосипедов. Я предложил нашему сопровождающему, старшему лейтенанту посадить весь взвод на велосипеды. Оказалось, что многие не умеют ездить. Тогда мы трое отпросились вперед, до следующего села, «далеко не отрывайтесь!» — крикнул нам вслед старший лейтенант. Мы умчались вперед километров на десять. Вдруг слышим глухие выстрелы: слева от дороги большие погреба, мелькают фигуры солдат. «Кажется, наши кого-то расстреливают» — решили мы, оставили велосипеды и пошли узнать.

Встретившиеся солдаты не сумели ничего объяснить, настолько были пьяны! Что за чудо? Подошли ближе. В открытые ворота погреба в углублении увидели несколько огромных деревянных бочек, стянутых железными обручами. Человек 10-12 солдат копошатся у бочек, подставляя рты под струи вина, бьющие из бочек. Видно не стали и крана открывать, а просто выстрелили в емкости. Солдаты бродили в вине по щиколотку от одной бочки к другой, пробуя где вкуснее, а вино все прибывало. Никто не пытался закрыть или зачеканить дыры, некоторые

1945 г. г. Суботица. Югославия

стояли на коленях и пили, и пили. Я небольшой любитель спиртного: хлебнул и отошел, двое моих товарищей – тоже. Когда вернулись назад, велосипедов своих не нашли. Минут через сорок подошел наш взвод. Заглянули в погреб. Вина натекло почти до колена и в нем уже «плавали» два солдата лицом вниз. «Вот сладкая смерть – подумал я – утонуть в вине!» Старший лейтенант предупредил, что до ночлега еще два часа, так что не расслабляться, вина много не пить. Так подошли мы к австрийской границе, к городу Шопрон.

В Шопроне нас распределили по батальонам и ротам, выдали винтовки и патроны. На другой день – в бой. Перед нами местность, поросшая густым буковым лесом. Мы продвигались вперед очень медленно, с большими потерями, потому что с немецкой стороны из окопов часто слышалась русская речь и мат: это были «власовцы». Они сопротивлялись отчаянно, зная, что их в плен не берут. Однажды я попался на глаза командиру батальона и он, подозвав меня и еще одного бойца, сказал: «Ручей видишь? За ним подъем и поленница буковых метровых дров, это

окраина села. Вам двоим задание: перепрыгнуть через ручей и добежать до окраины села. По вас будут бить пулеметы – надо выяснить, где они. Это разведка боем, понятно? Выполняйте. Вперед!»

И мы побежали. Поднялась бешенная стрельба. Мой напарник упал тут же за ручьем, мне удалось добежать до поленницы и стать за нее. Пулеметы продолжали бить по поленнице, отбивая щепку за щепкой и все ближе подбираясь ко мне. Я упал, пулеметы стрелять перестали. Пролежал, пока не стемнело, только тогда удалось отползти назад к ручью и, перебравшись через него, вернуться к исходному рубежу. Там мне стало страшно: наших уже не было. Я остался один в лесу ночью! Пшел назад и вскоре увидел огонек. Это старшина привез полевую кухню и раздавал еду. Я подошел и стал в очередь. Вдруг слышу старшина спрашивает: «А за убитых водку кому?» – «А сколько убитых?» - «Двое» – и называют мою фамилию. Тут я не выдержал «Я не убитый, я живой!» Все удивились, потому что видели, как я упал и решили, что убит. Оказывается, внизу у ручья было выставлено сторожевое охранение, но ни я их, ни они меня не заметили.

С рассветом нас перебросили на другой участок. Там надо было перебежать метров 100 открытого пространства. Оно сильно простреливалось. Из первой пятерки побежавших по команде – трое убиты. И тут выручила солдатская смекалка. Погода стояла прохладная, но сухая и один солдат сообразил: он бросил вперед гранату, поднявшую облако пыли, на мгновение упал на землю, потом вскочил и перебежал открытое пространство. Его примеру последовали другие, так почти без потерь перебежала вся рота в пыли, как в тумане. Немцы подумали, что это место обстреляла артиллерия.

На другой день, к вечеру, подошли к небольшому австрийскому селу в буковом лесу. Стемнело, но в селе что-

то горело и нам хорошо была видна линия горизонта и небольшой бугор, на нем стояла большая копна сена или соломы. Меня и еще одного солдата послали к соломе в разведку. Мы осторожно подошли в темноте к копне справа, проползли немного вперед и стали наблюдать. Лежали мы рядом, я чуть правее, а мой напарник – чуть левее. Пролежали мы полчаса, и вдруг мне пришла в голову мысль: место удобное для наблюдения, но и для немцев оно тоже было бы удобно, может и они пошлют сюда разведку, и она тоже зайдет справа от копны. Я поделился этой мыслью с напарником и предложил зайти слева от копны. Мы поднялись и обошли копну слева. Теперь напарник шел впереди, а я за ним. Винтовки держали наизготовку, патроны в канале ствола. Шли осторожно, и все-таки встреча с немцем была такая неожиданная, что напарник прямо уткнулся винтовкой в живот немцу, двигавшемуся нам навстречу. Я услышал глухой выстрел и почувствовал, как отпрянул товарищ. «Я немца убил» – прошептал он. Мы ощупали немца и поняли, почему тот не выстрелил первым: винтовку он держал в одной руке, а в другой фаустпатрон, это его и погубило. Немец еще был жив и мы решили оттащить его к командиру батальона, как «языка».

Так, от села к селу, мы продвигались с боями по лесистой местности в направлении Винер Нойштадта. Было начало апреля. 11-го числа у очередного села в лесу снова штурмуем немецкие окопы. Несколько раз бросаемся вперед и откатываемся назад, не добежав до окопов. В одну из атак в кутерьме боя увидел справа от себя солдата, раненного в голову. Он стоял на коленях, покачиваясь, держась окровавленными руками за голову, все лицо у него было в крови. Это был рослый бывалый солдат лет 45-ти, мы все звали его «дядя Петя». Схватил его за шинель и потащил вниз, к овражку, из которого только что

выскочили. На ходу подумал: «ранен – заживет, оставлю – убьют!» Атака опять захлебнулась. Людей становилось все меньше. Когда в шестой раз бросились мы на вражеские окопы, нас снова встретил такой плотный огонь, что в двадцати шагах от конечной цели нас осталось всего человек пять. Кругом стояли пыль, грохот, под ногами мелькали немецкие гранаты с длинными ручками. Я упал на левый локоть и в этот момент получил удар в левое плечо. «Вот и все – подумалось. - Нет, не все, раз могу двигаться. Попробую отползти... лишь бы не попало повторно».

Отполз метров десять назад, попробовал встать, но потерял сознание и скатился в овражек. Пришел в себя от того, что кто-то тащил меня за рукав.

– Ранен? Куда? Пулей?

– Нет осколком...

Солдат помог мне пройти по овражку дальше в тыл. Проходя мимо укрытия командира батальона услышал, как он докладывал комполку, что атака захлебнулась и что из батальона осталось восемь человек, остальные убиты и ранены. Рукав шинели заполнился кровью, левую руку я засунул за пояс.

Плечо болело, но терпеть можно было. Раненые – те, кто мог ходить, держась друг за друга, продвигались по оврагу. Тут увидел я и дядю Петю, которого вытащил за шинель полчаса назад из боя. Он выглядел довольно бодро. Рана, казавшаяся такой страшной, оказалась не очень серьезной. Осколок прошел по касательной, удар был ослаблен шапкой. Рассеченную кожу на голове санитар стянул, туго забинтовал и кровь перестала идти. У меня дело обстояло хуже, я потерял много крови: она шла, несмотря на перевязку, а плечо как перевяжешь?

Вечером приехал на бричке старшина, привез в термосах ужин и забрал четырех раненых, чтобы отвезти

в медсанроту. Она находилась не очень далеко, в лесу, но было темно, а старшина был пьян, поэтому бричка наехала на пенек и перевернулась. Нам, раненым, пришлось самим ставить ее на колеса, чтобы ехать дальше. В лесу увидели большую палатку, ярко освещенную внутри лампочкой от аккумулятора. Меня посадили на железный стул рядом с железным столом. Левую руку прикрепили к столу и врач вырезала на плече воронку, бросая кусочки мяса в тазик рядом. Я смотрел и думал: «как на гуляш». Перед этим мне сделали восемь уколов местного наркоза, поэтому было не очень больно. «Очень глубоко проник осколок – сказала врачиха – надо отправить тебя в тыл, там осколок вынут».

Меня поместили в другую большую палатку. В ней пол был устлан коврами, конечно трофейными, вдоль стен лежал вплотную один к другому ряд матрацев, застеленных солдатскими одеялами, на них вплотную лежали перевязанные солдаты. Нашлось место и для меня с перевязанным плечом и укрепленной на шине руке.

Середина палатки оставалась пустой. На другое утро в середине палатки был установлен патефон и поставлена пластинка «В лесу прифронтовом». Я слышал эту песню впервые, название песни соответствовало обстановке и я прослезился. В плече где-то глубоко чувствовалась глухая боль, но в общем настроение было хорошее. Чувствовалось, что дело шло к окончанию войны, я остался жив – какое счастье! Наши уже под Берлином! И я смыл, наконец, кровью «позорное пятно пленца»!

Нас посадили на машины и отвезли в Венгерский город Девечар, там погрузили в железнодорожные товарные вагоны, оборудованные для перевозки раненых. На полу лежали под стенами матрасы, набитые соломой и покрытые солдатскими одеялами. Для солдат позднее устроили нары.

Все железнодорожные пути были разрушены

немцами при отступлении и отремонтированы были на живую нитку. Движение шло по одной колее, где по правой, где по левой. Большую неприятность доставлял так называемый «плуг», который на прямых участках пути, без стрелок, «пропахивал» канаву посредине, между рельсами, ломая деревянные шпалы, как спички, и немцы часто им пользовались. Двигались мы очень медленно, часто стояли, пропуская встречные воинские эшелоны. Середина апреля в Венгрии — уже жарко. Раненые постоянно просили пить, да и питались в пути всухомятку. Почему-то на дорогу выдали сало, колбасу, хлеб и горох (сырой), а варить то в вагоне не на чем! Сала и колбасы было выдано немного, и его дружно поели. К концу пути, а ехали мы неделю, хорошо проголодались. С водой дело обстояло и того хуже. К каждому вагону был приставлен один солдат из госпиталя из выздоравливающих. Он постоянно бегал по воду с котелками, на любой остановке. Однажды остановились в поле, на полустанке, недалеко заманчиво блестело озеро. Он немедленно соскочил на землю и бегом. Но не заметил бедняга табличку на палке «мины». Шагов двадцать пробежал и вдруг... взрыв! И вверх летят вертящиеся котелки, а парень лежит на земле без ноги или без ног и все боятся подойти к нему, спасти — ведь мины же! И вдруг один из раненых, судя по одежде моряк, обложив и мины, и войну, и немцев, и жизнь десятиэтажным матом, пошел к нему, а мы, затаив дыхание, смотрели, как он дошел, наклонился, взял его к себе на закорки и благополучно вернулся, под одобрительный гул всего состава. В конце был пассажирский вагон с сопровождающим медперсоналом, ему оказали медпомощь, но ног то нет! Наконец приехали на место и, о радость: это тот же городишко Суботица! Опять вокруг «братушки» — югославы! Разместили нас в нескольких трехэтажных зданиях бывшего венгерского монастыря. В подвале баня, каменные столы; каждого на — стол,

аккуратно разрезали ножницами всю одежду и сняли – ведь она была окровавленная; выкупали каждого, отнесли на носилках в палаты. В палатах стояли аккуратные немецкие двухэтажные койки (до нас здесь был немецкий госпиталь). Нас накормили, уложили на койки.

Так началось мое почти семимесячное пребывание в госпитале. Соседом по койке оказался остроумный шутник и рассказчик, украинец из Черкасской области, Иван Петрович Степаненко. Он был старше меня на одиннадцать лет, женат, имел сына. Мы очень подружились, несмотря на разницу в возрасте. Он часто рассказывал забавные истории, а поскольку большинство раненых призывалось из глубинки России, из Средней Азии, с Кавказа, то мне приходилось все его шутки переводить с украинского и потом уже все дружно смеялись. С ним даже в госпитале происходили смешные истории. Ранение у него было в левое бедро, он ходил с палкой. Когда его вызвали в рентгенкабинет и подготовили к просвечиванию, он не выдержал и сказал, что врач неправильно наводит аппарат, что там у него не болит. На что рентгенолог, пожилая еврейка в очках с толстыми стеклами, ему ответила: «Молчите, ваши мысли с нашими не сходятся». Конечно, на другой день выяснилось, что просвечивать надо было не «ребро», как она просветила, а бедро. И все стало на свое место. А мы в палате долго еще хохотали над «вашими мыслями с нашими не сходятся».

Однажды он объявил нам, что получил письмо из дома и хочет его прочесть. Оказалось, что сынок, ему было 5 лет, нашел где-то запал для гранаты и положил его незаметно на печь. Когда мать варила обед он, конечно, бахахнул, разбил кастрюлю, капуста и картошка разлетелись во все стороны. К счастью, обошлось без жертв.

Кормили нас очень хорошо, дружба с маршалом Тито была крепкой, а первые два-три дня прибывшим давали по полторы-две порции, так мы изголодались за дорогу.

Трехэтажное здание нашего отделения госпиталя было растянуто как перепонка в букве Н между двумя улицами. Нам в окна с третьего этажа был виден красивый сквер и части обеих улиц, идущих к центру города, где виднелась красивая католическая церковь с двумя одинаковыми колокольнями. Скверик оконтурен низеньким кустарником, посредине цветники и клумбы, стояли скамейки. Раненых в городе было так много (шесть госпиталей!), что солдаты ходящие по городу в одном нижнем белье. Это было обычным явлением, ведь халатов на всех не хватало.

Война шла к концу, немцы отчаянно сопротивлялись, уже был взят Берлин. Хорошо помню праздник Пасхи и вслед за ним День Победы. Что было!!! Приходили школьники во главе с «омладинкой» (комсомолкой) и приносили кулечки с домашним печеньем и черешней. Конечно, их в палаты не пустили, но кулечки сложили в большие корзинки-сапетки с двумя ручками и по два солдата внесли их в каждую палату, где комсомолка сказала коротеньку благодарственную речь. Каждому раненому досталось печенья и черешен. Это было так приятно, так торжественно, что даже сейчас, когда я пишу эти строки, у меня на глазах стоят слезы. Я вспоминаю те теплые благодарные слова, сказанные нам, братьям освободителям.

Восьмого Мая вино лилось рекой, в каждую палату сербы принесли по паре ведер вина, черпали мы его кружками и пили, пили, пили... Похмелье не у всех было благополучным, ведь к концу войны в армии оказались выпущенные из тюрьмы за хулиганство и мелкие преступления. И вдруг такое обильное «возлияние» и бесплатно! Двое ходящих раненых «братались» с

югославским патрулем, да так обнимались, что отняли у него винтовку. Вооружившись, пошли дальше, под угрозой винтовки, разоружили другой патруль. Югославы пожаловались в советскую комендатуру, оттуда прикатил майор на мотоцикле, но на все его уговоры «не дурить» и сдать оружие, эти двое отвечали выстрелами. Майор уехал, через двадцать минут из комендатуры прибыл взвод из двадцати человек. Поднялась стрельба. Все это происходило буквально под нашими окнами в скверике. Двое в нижнем белье лежали слева, за кустарником, на асфальте, а бойцы из комендатуры залегли справа, за кустарником скверика. Через десять минут все было кончено. С обеих сторон раздалось по паре выстрелов. Один из двух был убит, а второй удрал в свою палату и спрятал, как рассказывали, винтовку под кровать. Было очень стыдно за такое русское свинство.

Вскоре после дня Победы вдруг по госпиталю разнеслась весть: «Тито приехал!». Все раненые, кроме лежачих, выбежали на площадь и близлежащие улицы. Все стояли и смотрели вверх, на балкон двухэтажного дома. Потом кто-то в толпе начал скандировать громко: «Тито – Сталин!» Его подхватили многие голоса: «Москва – Белград!» и снова «Тито – Сталин!»

Имел ли Тито намерение выступать, и по каким делам он приехал в Суботицу – не знаю. Но мощный хор голосов нескольких тысяч раненых из шести госпиталей заставили маршала – он был в военной форме – выйти на балкон и экспромтом сказать речь.

Он говорил о совместной борьбе, о победе. Говорил по сербо-хорватски, но нам было всё понятно, ведь язык – то родственный, а закончил речь по-русски здравицей в честь нерушимой дружбы, скрепленной совместно пролитой кровью, что вызвало гром аплодисментов и рёв восторга и снова крики «Москва – Белград!», «Тито –

выскочили. На ходу подумал: «cranen – заживет, оставлю – убьют!» Атака опять захлебнулась. Людей становилось все меньше. Когда в шестой раз бросились мы на вражеские окопы, нас снова встретил такой плотный огонь, что в двадцати шагах от конечной цели нас осталось всего человек пять. Кругом стояли пыль, грохот, под ногами мелькали немецкие гранаты с длинными ручками. Я упал на левый локоть и в этот момент получил удар в левое плечо. «Вот и все – подумалось. - Нет, не все, раз могу двигаться. Попробую отползти... лишь бы не попало повторно».

Отполз метров десять назад, попробовал встать, но потерял сознание и скатился в овражек. Пришел в себя от того, что кто-то тащил меня за рукав.

– Ранен? Куда? Пулей?

– Нет осколком...

Солдат помог мне пройти по овражку дальше в тыл. Проходя мимо укрытия командира батальона услышал, как он докладывал комполку, что атака захлебнулась и что из батальона осталось восемь человек, остальные убиты и ранены. Рукав шинели заполнился кровью, левую руку я засунул за пояс.

Плечо болело, но терпеть можно было. Раненые – те, кто мог ходить, держась друг за друга, продвигались по оврагу. Тут увидел я и дядю Петю, которого вытащил за шинель полчаса назад из боя. Он выглядел довольно бодро. Рана, казавшаяся такой страшной, оказалась не очень серьезной. Осколок прошел по касательной, удар был ослаблен шапкой. Рассеченную кожу на голове санитар стянул, туго забинтовал и кровь перестала идти. У меня дело обстояло хуже, я потерял много крови: она шла, несмотря на перевязку, а плечо как перевяжешь?

Вечером приехал на бричке старшина, привез в термосах ужин и забрал четырех раненых, чтобы отвезти

Мица (Эстер, Катерина и Маргарита) ему помогали. Отец рассказывал нам, что он участвовал в Первую мировую войну на стороне Австро-Венгрии. Девчонки весело щебетали. Особенно мне нравилась старшая, Мица. Она была моложе меня на год. Я стал бывать у них дома, познакомился с их матерью, называл ее «тетка Сэя», она меня «Павле». Подошел мой день рождения, 12 июля. Тетка Сэя устроила пышное торжество, я позвал двух ребят из нашей палаты, Ивана Петровича и Гришу – ростовчанина. Гриша прихватил с собой гитару и мы попели песни тех времен под его аккомпанемент. Правда, «тетка Сэя» попросила, чтобы мы обошлись без выпивки, потому что «у нас есть люди, которые меры не знают – сказала она, указывая на своего мужа – и напиваются, как свиньи». Так получилось, что ни я, ни мои ребята не были большими любителями вина и с ней согласились. Сладкого было много и чай был очень вкусный.

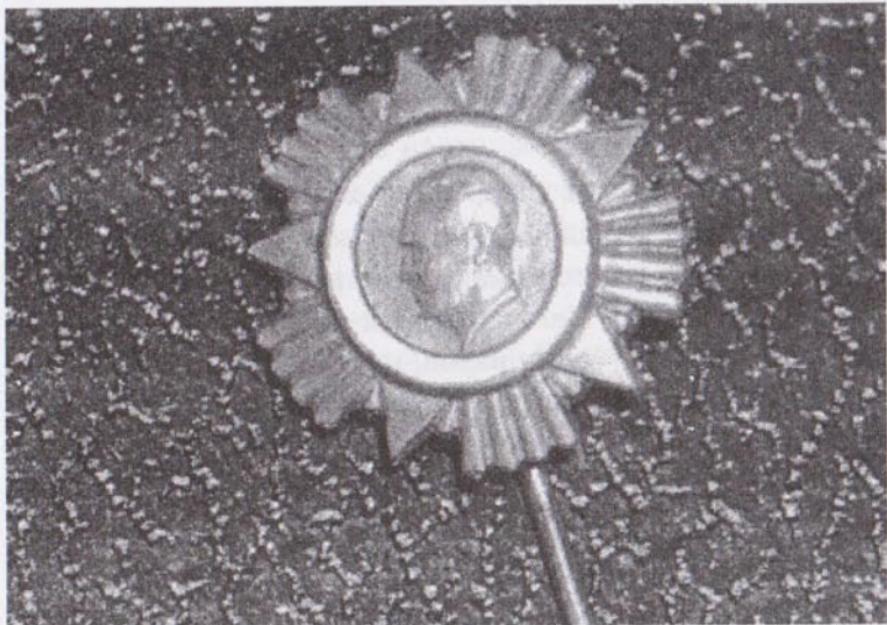
Лечение мое продолжалось долго, потому что рана никак не заживала и образовался свищ. Наша дружба с Мицей переросла в настоящую любовь. Я почти каждый день ходил на виноградник, помогать в работе семье Крижанович (такая у них была фамилия) или был у них дома, на улице Масарика 82. Вопрос с моей одеждой решился так.

На мое счастье в нашем госпитале я прослыл «точильщиком скальпелей» и сестра–хозяйка, поручавшая точить скальпели, выдала мне из своих запасов хлопчатобумажные штаны армейского типа, немецкие ботинки с крагами, пилотку со звездой и серый американский мундир с ремнем. В общем, я был экипирован, как любой югославский партизан. Часто, возвращаясь домой после наступления комендантского часа, при встрече с югославским патрулем, я говорил с ними по-русски, объясняя что был у «двойки». Обычно

мне отвечали: «А, братушка! Ну пролази, пролази». Если же встречался русский патруль, я говорил по-сербски то же самое, что был у «дэвойки», а в ответ слышал: «А братушка! Проходи».

Я стал усиленно учить сербо-хорватский язык и это у меня довольно хорошо получалось. Мица мне всячески помогала. Она рассказывала мне пословицы, поговорки сербов и хорватов. Пела старинные песни, объясняла, что сербы и хорваты – один народ, и язык у них один, только одни пишут кириллицей и православные, а другие католики и пишут латиницей, и вот она – «хорватица». Но она знает и венгерский язык.

Постепенно я научился разговорному языку настолько, что однажды попал в неприятную историю из-за этого и с трудом из нее выбрался. А дело было так. Во втором часу ночи возвращался я в госпиталь. Мне уже повстречались советские солдаты из комендатуры и благополучно пропустили «братушку». Прямо напротив госпиталя две девочки и парень, местные «омладинцы» (комсомольцы) с ведерком белой краски писали на асфальте лозунги: фонари хорошо освещали площадь, а из открытого окна госпиталя смотрела дежурная медсестра на эту сцену. Я подошел к ним и заговорил, стараясь почище выговаривать сербские слова и, увлекшись, не заметил патруля ЮНА (Югославской Народной Армии) – двух солдат и офицера. Они подошли и слушали наш разговор. Потом вдруг офицер обратился ко мне и спросил, почему я на улице в такое время, я отшутился, что, мол «вышел подышать воздухом». Офицер шутку мою не принял и приказал солдатам схватить меня и отвести в комендатуру. Тут уж я перешел на родной русский язык, а медсестра из окна закричала: «Мальчики! Это наш, больной! Куда вы его тащите?» Офицер же продолжал настаивать, чтобы меня отвели в комендатуру. Он говорил, что я «выучил

Значок с портретом маршала Тито

несколько русских слов и морочу ему голову, ему борцу из первой полтысячи бойцов отряда, имеющих золотой значок – «Портрет маршала Тито». С трудом медсестра, выбежав на улицу, буквально вырвала меня из рук солдат.

Много лет спустя я рассказал эту историю одному молодому человеку, москвичу. Его отец был в Югославии и, бежав из плена, попал в партизанский отряд. У них тоже носили такие значки, но не золотые. Один значок отец после войны привез домой. Этот значок – портрет маршала Тито, москвич прислал мне, так как отец уже умер. Он приколол его к картонке, вложил в конверт, а на конверте написал: «осторожно фото». Значок цел и сейчас.

Наша дружба с Мицей продолжалась, и я стал подумывать о женитьбе. Мне подсказали, что для этого надо получить разрешение у Советской Военной Миссии в Белграде. Поехал я в Белград, нашел эту Военную Миссию. Сейчас по прошествии почти 60 лет, трудно

восстановить в памяти подробности тех дней, того времени, той жестокой эпохи сталинского террора. Удивительно, что мне удалось проскочить через сеть репрессий, еще довольно активно выражать свое несогласие и сопротивляться «политике партии». Сначала меня попытались сделать, так называемым секретным сотрудником (сексотом). Я уже упоминал об этом, это было в начале 41-го, в учебном артдивизионе.

Судьбе было угодно изменить мою жизнь и меня перевели за двенадцать дней до войны в новую воинскую часть, а там все изменилось. Изменилось мое отношение к службе, изменилось отношение ко мне. Мне поручили выполнить довольно сложные чертежи на целом листе ватмана в туши и с раскраской «Взаимодействие частей и механизмов» пушки, а чертить я любил, и это у меня очень хорошо получалось. Еще больше почета и уважения прибавило мое рапределение по прибору определения курса и скорости самолета, которое потом было внедрено не только в нашем дивизионе. Конечно, особый отдел был и у нас. Узнав, что я не комсомолец, тут же заставил вступить в комсомол. Мне выписали членский билет, который я тут же «потерял».

Ранение при отступлении, плен, лагерь военнопленных, удачный побег на двенадцатые сутки из лагеря, переход через линию фронта около Веприка, особый отдел, анкета из 82 вопросов, лечение в санчасти, БАО, госпиталь, разные воинские части, потеря чувствительности пальцев правой руки, наконец пехотный полк, ранение в ногу в марте 43-го, выход к своим через линию фронта, опять особый отдел, жизнь в оккупированном Харькове, работа в пожарной команде, выезд из Харькова в июле 43-го, зима в Яворове, отъезд с эшелоном на запад в Югославию, в Ковачицу и, наконец, запасной полк в Суботице.

Вспомнив свои «этапы большого пути», я нашел большое красивое здание на улице «Короля Александра» в Белграде. Одет был я довольно странно, но на то время это обычная одежда - не военная, и не гражданская, одним словом «партизан».

В коридоре седоватый майор спросил: «Кого ищешь, партизан?».

Я кратко ответил, что солдат, приехал из госпиталя из Субботицы, по «щекотливому» вопросу женитьбы. Он внимательно посмотрел и предложил зайти в одну из комнат, по пути прихватив еще одного майора в коридоре. Они посадили меня за стол, сами сели напротив и стал расспрашивать, что привело меня сюда.

Мой рассказ не удивил их, оказывается, я не первый с таким вопросом обращаюсь к ним.

- Против любви спорить трудно – сказал один, – но она, к сожалению, скоро проходит, остается реальность: погибло в войну много молодых здоровых мужиков, не сотни и не тысячи, а миллионы. Остались девушки. За кого им выходить замуж? Не за кого. А ты еще одну домой привезешь.

А второй добавил:

- Вот я женился за полгода до войны и за полгода уже два разассорились. Она за свое «приданое» – узелок с вещами и через дорогу к маме, а помирились – таким же путем обратно. А ты как? Давайте ей визу обратно? Да ведь 22-й год рождения еще не скоро демобилизуют, тебе еще служить и служить!..

Так и вернулся я ни с чем из Белграда.

Но майоры на этом не успокоились. Узнав от меня номер госпиталя и его адрес, связались с начальником и предложили ему такого-то солдата по окончании излечения выписать в Запасной полк, находящийся в городе Галац, в Румынии. Оттуда в первых числах октября

1945-го года я попал дослуживать в город в Яссы, где находились Курсы усовершенствования офицеров пехоты (КУОП). При них был артдивизион на конной тяге для обучения. Там было привольно, я даже достал плотной белой бумаги и два раза ходил на «этюды» (вспомнил молодость).

Рана моя на плече затянулась, осколок остался внутри, а на справке о ранении написали: «Удалению не подлежит», а на мой вопрос «почему», мне ответили – «возможен общий паралич».

Забегая вперед, скажу, что осколок дал о себе знать весной 1948-го года. Мне на работе выделили под огород участок непаханой земли в десять соток. С большим трудом мы с сестрой вскопали его лопатами. После этого у меня сильно опухла левая половина тела, рука, нога и даже лицо. В поликлинике сказали: «это от осколка, надо срочно удалить». Спросили справку о ранении из госпиталя, но ее у меня украли вместе с кошельком в поезде, когда ехал домой. Сделали рентген. Врач отметила на спине чернильным карандашом пятнышко, где осколок и сказала, что завтра операция.

Утром санитарка принесла чистое белье, отвела в душевую, сказала: «Помойся, переодень белье и на стол». Я так и сделал. Полоскался долго, теплая вода была очень приятная, так что когда лег на стол, обнаружилось, что чернильного пятнышка нет.

Нашли какую-то родинку и от нее стали резать. Операцию делали под местным наркозом. Помню, что два раза делали по десять – двенадцать уколов, но осколка так и не нашли. Тогда меня положили на простыню и четыре человека, взявшихся за углы, отнесли из операционной с третьего этажа в подвал, в рентгенкабинет. Там просветили еще раз, воткнули против осколка иглу от шприца, снова втащили наверх в операционную, сделали

несколько уколов наркоза и, наконец, вытащили довольно крупный осколок величиной с боб.

Изуродованное плечо осталось мне на память об этом осколке и послужило решающим фактором, вместе с пробитой рукой и ногой для определения инвалидности по ранению 2-й группы.

Возвращаясь назад, скажу, что нашу часть – КУОП-вскоре расформировали. Собрав со всего дивизиона лошадей и телеги, нас отправили в командировку в Россию, в Одесскую область «своим ходом». Телеги были груженены сеном, которое лошади в дороге съедали. Одна лошадь была впряженна, а другая шла сзади на поводу. Ехали несколько дней, и я научился обращаться с лошадьми – запрягать, чистить их. Сама питались сухим пайком. Сдали лошадей и брички в колхоз в селе Зельцы, на берегу Лимана. Село было немецкое, но всех немцев в 1941 г. вывезли в Казахстан. Оставшиеся русские женщины и вернувшиеся с войны инвалиды сказали нам «спасибо» и пообещали, что лошадок съедят, потому что «страшная голодуха». В Румынию мы вернулись поездом в Запасной полк, откуда я попал в Комендантский взвод в г. Фокшаны.

Новое испытание выпало на мою долю. Мы с Мицей, которую я стал звать Маргаритой при расставании договорились, что она будет писать мне на домашний адрес, а уж из дома мама перешлет письма по месту службы. Так же и обратным путем шел ответ. Сначала так и было, правда на это уходило два-три месяца.

В декабре 1946-го демобилизовался, вернулся домой, переписка продолжалась. А в 1948-м Сталин поссорился с Тито. Однажды к нам домой явился человек в гражданском и стал расспрашивать, что у нас за родственники за границей в Югославии. «Почему туда от вас регулярно идут письма?»

Мама рассказала ему, что сын лежал в госпитале и

познакомился с девушкой. Сейчас переписывается с ней. Он посоветовал прекратить переписку, забрал все письма — они лежали на письменном столе, и ушел. «Ты еще хорошо отделался» — говорили мне люди, глядя на фотографию Маргариты, которая у меня осталась.

Городок Фокшаны, в котором проходила моя служба, был очень уютный, чистенький, почти не разрушен. Война как бы обошла его стороной. Служба была не тяжелая. Мы, тридцать человек рядовых и сержантов, попарно дежурили по городу, вылавливая пьяных русских военнослужащих. В комендатуре постоянно, кроме часового у входа, начеку была группа из шести солдат на случай крупного нарушения порядка солдатами или офицерами Красной Армии.

Принимались сообщения по телефону из румынской жандармерии. Обычно говорили о том, что на такой-то улице «русский товарищ бум-бум», то есть стреляет или собирается стрелять. И почти всегда это соответствовало действительности. Почти у всех задержанных было при себе оружие, начиная от пистолетов «маузер», ракетниц и американских револьверов такого калибра, что палец в ствол влезал, до маленьких никелированных «дамских», почти игрушечных.

Достаточно сказать, что каждую неделю помощник коменданта капитан Пермяков отправлял спецпочтой ящик пистолетов, опломбированный и опечатанный, в Управление комендатур в город Констанцу. Один солдат, не имея оружия, раздобыл где-то рукоятку от пистолета и, зайдя в корчму — а их было много на каждом углу — картино хватался за эту рукоятку и нахально требовал вина. Давали. Два «славянина» в одном селе зашли в жандармский участок. Румыны встали, приветствую их, но те повели себя странно, потому как уже были

Ноябрь 1945 г. Батарея б/о КУОП г. Яссы

пьяные: один схватил винтовку из пирамиды, аккуратно установленной у стены, и навел ее на присутствующих, а другой схватил с пола ящик американских ручных гранат, похожих на небольшие коробки консервов, только черные, вынес его на улицу и погрузил на чью-то бричку, стоящую у крыльца. Потом оба уселись на бричку и поехали по селу. Один погонял лошадь, а другой бросал гранаты направо и налево. Так проехали они вдоль всего села, разбросав все 40 гранат. Можно представить, какой был грохот в этом селе. Когда мы приехали в это село, вызванные по телефону жандармерией, они мирно спали на траве у последней хаты села, лошадь мирно паслась рядом.

Если солдат совсем не знал ни слова по-румынски, он заходил в корчму, садился за столик, вынимал из кармана гранату РГД, ставил ее на стол (без запала) и говорил: «Давай вина, а то...» Конечно ему давали стакан вина: «Пей и уходи со своей гранатой».

В то время в Румынии были сильно распространены венерические заболевания и не только среди солдат, но и среди служащих в комендатуре.

Однажды меня вызвал комендант города Фокшаны майор Пойченко, строго посмотрел, спрашивая о здоровье и сказал, что хочет поручить мне важное задание - отправить со мной двух солдат для принудительного лечения венерических болезней в госпиталь в городок Оршова на Дунае. Приказал взять с собой пистолет и применить, если вздумают удратить.

В такой роли я еще не выступал, но очень хотелось посмотреть на Дунай еще раз, в том месте, где по нему проходит граница между Румынией и Югославией. Дунай здесь стеснен горами, отчего это действительно великолепное место называется Железные ворота. Поскольку там очень быстрое течение реки, совместными усилиями Румынии и Югославии после войны здесь была поставлена гидроэлектростанция.

Сдав под расписку двух солдат в госпиталь и пообедав в госпитальной столовой для медперсонала, пошел на берег искупаться. У берега стояла баржа, крепко привязанная канатами. Я взошел на палубу по сходням, разделся и прыгнул в воду.

Вынырнул я совершенно в незнакомом месте, вода стремительно несла меня дальше. Я с трудом подплыл к берегу, пролез через заросли и побежал искать баржу и одежду на ней (там ведь был пистолет!). Баржа стояла в километре от того места, где я вынырнул. К счастью, все

Январь 1946 г.
Фокшаны. Румыния

оказалось не тронутым.

Через несколько дней мне пришлось снова ехать в командировку и везти еще двоих солдат. На этот раз в городок Бабадаг, в Юго-восточном углу Румынии, в лесу. Там был устроен настоящий концлагерь с бараками и колючей проволокой. Я выполнил и это задание. Как-то комендант вызвал меня и спросил, какой язык я учил в школе.

- Немецкий.

- А сейчас можешь что-нибудь сказать по-немецки?

- Хенде Хох!

- Это я тоже умею, а еще что-нибудь? – я стал читать ему по памяти школьное стихотворение «На смерть Ленина»:

Ду бист гешторбен, гроссер манн,
Дайн херц ист ауфгехёрт цу шлаген,
Мит шмерцен денкен вир даран,
Мит траур унд мит клаген.

Ему очень понравилось. Он решительно взял со стола какой-то лист бумаги с отпечатанным текстом, вписал туда мою фамилию и вручил мне со словами:

– Завтра утром пойдешь с автоматом на окраину города. Там находится лагерь немцев, военнопленных. Обратишься к коменданту лагеря майору Пурэсу. Тебе выведут 20 человек по этому списку, приведешь их в комендатуру.

Я посмотрел список:

каменщиков	– 10
плотников	– 5
столяров	– 2
слесарей	– 2
стекольщик	– 1

А комендант продолжал развивать мысль о том, что он построит во дворе хорошую гауптвахту, небольшую

баню, туалет.

Здесь следует объяснить, что Комендатура занимала небольшой двухэтажный особняк. Во дворе был погреб и туалет. Задержанных было много, мест не хватало. Откуда брать стройматериал? «Будем разбирать брошенный дом напротив» – сказал он.

На другой день утром мне вывели из лагеря 20 немцев по списку, все они были чисто и аккуратно одеты в немецкую форму, у всех на пилотках сбоку прикреплена буква Н (от слова «хандверкер», что означало по-немецки «ремесленник»).

Сначала я опасался, что не смогу уследить за всеми двадцатью. Они разбирали дом, носили на носилках кирпич и складывали у нас во дворе. Некоторые из них уже понимали по-русски, но этого было явно недостаточно. Так пришло решение усиленно учить немецкий язык. Начал я со стройматериалов: песок, глина, цемент, кирпич и т.д. и т.п. Потом – название инструментов, видов работ.

Однажды они спросили, зачем я целый день таскаю с собой автомат? Пришлось им рассказать, что я в свое время был военнопленным и удрал из лагеря, и боюсь, что кто-нибудь из них может удрать. На это они мне ответили, что для них побег не имеет смысла – «кайн цвек». Оказывается, в лагере висит большой лист бумаги с перечнем всех пофамильно, и против каждого – дата, когда он едет домой. Два раза в месяц приезжает представитель Красного Креста из Вены, берет с собой десять человек. В Вене каждому выдают билет домой и деньги на дорогу. Так зачем же бежать? Мой рассказ о побеге вызвал у них много вопросов, как меня наградили, повысили ли в звании? У них удравший из русского плена и вернувшийся в строй считается героем, ему почет и внеочередной отпуск на две недели...

Март 1946 г. Фокшаны

Так же мне объяснили, что комендант лагеря, майор Пурэс – латыш, ввел строгую дисциплину. В лагере есть сапожная и портняжная мастерская и прачечная, и если кто-нибудь будет ходить в порванной одежде или обуви – попадет в карцер.

Шло время. Наступила весна 1946-го года, кое что из намеченного комендантом было уже выполнено, работа продвигалась успешно. Продвигалось и мое обучение немецкому языку.

Из всей группы немцев самой колоритной фигурой был Альфонс Баумштарк. Он был самым пожилым, работал стекольщиком, а поскольку алмаза ни у него, ни у нас не было, мы ходили с ним к румынам. Тот, тщательно измерив выбитые стекла, отрезал по мерке из прихваченного с собой стекла, чтобы потом вставить их.

Однажды замполит коменданта майор Лукьянов привез из Констанцы, куда его вызывали, рулончик бумаги. Там были портреты маршалов – их было тогда 26 – и генералиссимуса, а так же Гимн Советского Союза. Вот было Альфонсу работы! Он их вставил в рамки под стекла. Простые сосновые рамки обжег паяльной лампой, получились красивые светло-коричневые рамы в разводах. Портреты украсили наше жилище, а перед Гимном Советского Союза Альфонс стал по команде «Смирно!» и стал мурлыкать мелодию; говорит, у них в лагере каждое

утро во время подъема по радио играют Гимн СССР.

В это время уже установилось прямое железнодорожное сообщение с Советским Союзом. Мы заметили это по тому, что ребята привели двух пьяненьких средних лет женщин из поездной бригады — тогда поездные бригады, включая и машинистов, и кочегаров, были укомплектованы, в основном, женщинами.

Женских кабинетов на гауптвахте у нас не было, и комендант приказал отвести их в русский госпиталь; только утром их отпустили. Вот что значило обилие недорогого вина.

Там, в Румынии, я познакомился с таким явлением, как инфляция. За год службы цены выросли в несколько раз. На вино, например в 22 раза.

Контингент Советских войск значительно уменьшился. Вначале демобилизовались все лица с высшим и средним специальным образованием. Вернули из госпиталей вылечившихся солдат. Я съездил забрал пару, которую отвозил в госпиталь. Одним из них был мой хороший знакомый, сержант Василий. Поезда в то время ходили уже регулярно. Вместо паровозов были дизельэлектровозы, тащившие пять классных вагонов. В вагонах все блестело от никеля и бархата. Правда, бархат солдаты в основном уже срезали, и сиденья были, хоть и мягкие, но покрыты мешковиной. Неприятно было

Май 1946 г. Румыния

смотреть на такое варварство русского солдата. Но что поделаешь — война!

Вдруг обратил внимание на сержанта Василия. Он почему-то стоял у двери купе и то закрывал, то открывал дверь, радостно при этом улыбаясь. Я отвлекся, глядя в окно на красивые пейзажи гористой Румынии. Наконец, мы прибыли в Фокшаны.

Вернувшись, Василий иногда рассказывал солдатам, как лечился в госпитале и какие «премудрости» там выучил. Между прочим, говорил, что скоро у него будет много денег и он всех ребят напоит. Я стал замечать, что он уединялся от товарищей и в свободное время что-то пилил. И как-то раз заметил в руках у него ручку от двери вагона, отломанную в поезде! Бронзовую ручку!

Я стал стыдить Василия, но он остановил меня и сказал, что это бронза особая, редкого состава, и тут же показал мне «изделие». Это была блестящая пластинка, так опиленная, отшлифованная и отполированная, в виде зубила, что казалась золотой.

Оказалось, что точно такие же заготовки, но из чистого золота, выдавали раненым — челюстникам, если в связи с демобилизацией зубы не успели вставить в госпитале. Большинство раненых умышленно не вставляли зубы, а тут же продавали золото румынам, говоря: «Дома железные вставим».

А дальше начиналось настоящее театральное действие. Василий надевал новеньющую форму, выданную при демобилизации, брал на плечо новенький вещмешок, заходил в какую-нибудь корчму и молча растерянно стоял. Хозяин наметанным глазом замечал: не грубит, не требует ничего, но выпить, конечно, хочет. Подскакивает к нему и начинает разговор. Солдат отвечает, что, конечно, выпил бы, но денег нет, что он из госпиталя, ранен был, при этом показывает пальцем в рот слегка отвернувшись, как бы из

Каличенко П.С. (в центре). 1946 г.

вежливости. Хозяин тут же спрашивает: «Зуб дали?» – солдат утвердительно кивает головой и нехотя вытаскивает из нагрудного кармана пакетик с «золотым» зубом, уложенным в ватку и завернутым в белый бинтик. Хозяин сражен! Наконец-то и ему повезло! Начинают торговаться. Солдат называет не очень большую цену, но такую, что можно напоить и накормить 20 человек. Торгуются довольно долго, наконец, сходятся в цене, и тут у румына срабатывает осторожность. Он говорит солдату, что он, конечно, верит, но хочет сбегать к часовому мастеру напротив за углом, что бы удостовериться, что это золото.

Солдат при этих словах делает обиженный вид и «зуба» из рук не выпускает. «Ты мне не веришь? И я тебе не верю! Давай сначала деньги, тогда иди проверяй, куда хочешь, да и выпить очень хочется!» Резонно? Снова торгуются, но недолго. Жадность побеждает страх. Хозяин отсчитывает пачку денег, хватает «зуб» и бегом за угол, к часовому мастеру, тот на беду куда-то вышел, он к другому, тот посмотрел, достал пузырек с кислотой, капнул и сказал:

«Это не золото». Пока хозяин отсутствовал, Василий и его друзья, которые только и ждали этого момента. Завернули за другой угол и зашли в другую корчму, скромненько сели за стол, Василий вытаскивает пачку денег и кладет на прилавок. Это производит эффект: если клиент платит вперед, не считая денег, – это особо почетный клиент. Он заказывает хорошее угощение и обильную выпивку.

В разгар выпивки в корчму врывается румын и начинает, захлебываясь, кричать, что этот сержант обманщик и товарищи его жулики. Тут в разговор вступает сам хозяин корчмы. Он кричит румыну, что тот пьян, что к нему пришли порядочные люди, даже заплатили вперед. Оба румына начинают спорить, в спор вступают присутствующие в корчме посетители, они подтверждают, что солдаты порядочные люди, вперед расплатились.

На шум является жандарм и под одобрительные возгласы забирает нарушителя порядка. Два-три человека идут с ним в качестве свидетелей.

Пиршество продолжается.

Был в комендантском взводе у нас парень Николай Тортика, родом из одного молдавского села в Одесской области. Он хорошо знал румынский язык и был у нас главным переводчиком. Мы часто дежурили вдвоем по комендатуре. Николай виртуозно играл на балалайке, а я аккомпанировал ему, кое-как бренча правой рукой на гитаре.

Ночью, сидя рядом у стола и положив на край стола телефонную трубку, мы играли русские и румынские мелодии, а Николай при этом звонил на коммутатор и приглашал дежурившую знакомую телефонистку «послушать концерт». После она звонила нам и говорила, что нас слушала почти вся Румыния, так как она включала Бухарест и другие города. Так развлекались мы, когда было тихо и не было нарушений порядка.

Каждое утро у комендатуры собиралась толпа румын и румынок жаловаться коменданту. Жалобы были примерно однотипные: пьяный русский солдат что-то украл, ограбил или избил, были случаи и изнасилования. Николай к приходу коменданта выстраивал всех в три очереди: избитых, ограбленных и изнасилованных.

Не обошлось и без курьезов. Одна девушка никак не могла определиться, куда ей стать, в какую очередь. Коменданту принял ее без очереди, поскольку пьяный солдат ее побил, отнял деньги и изнасиловал. Не знаю, помог ли ей чем-нибудь коменданту, уж очень мало было примет насилиника: гимнастерка, пилотка, сапоги.

Зима в той местности не суровая, обычно не больше пяти-семи градусов мороза. В комнатах комендатуры были печи с каминами, их топили дровами. Как-то мы с Николаем поехали на грузовой автомашине-полуторке в лес забрать заготовленные для нас дрова. Дело было в воскресенье. Николай сидел в кабине рядом с шофером, а я стоял в кузове, держась за кабину.

Выехали в обед, думая засветло вернуться. Немного задержались при погрузке, возвращались затемно и наехали на какой-то пенек. Машину так тряхнуло, что сработал затвор автомата, стоявшего у Николая между колен — он придерживал его правой рукой за ствол. Произошло три выстрела. Пули пробили руку Николая и крышу кабины. Машина стала. Шофер вспомнил, что впереди, недалеко, должно быть село и нажал на газ. В двух хатах горел свет и слышна была музыка: играли свадьбу. Начался переполох, крестьяне подумали, что на них напали, но Николай объяснил, что это просто несчастный случай, вследствие неосторожного обращения с оружием, и все успокоились. Промыли руку, сняв окровавленный носовой платок, и перевязали чистой тряпочкой, напоили нас допьяну и уложили спать.

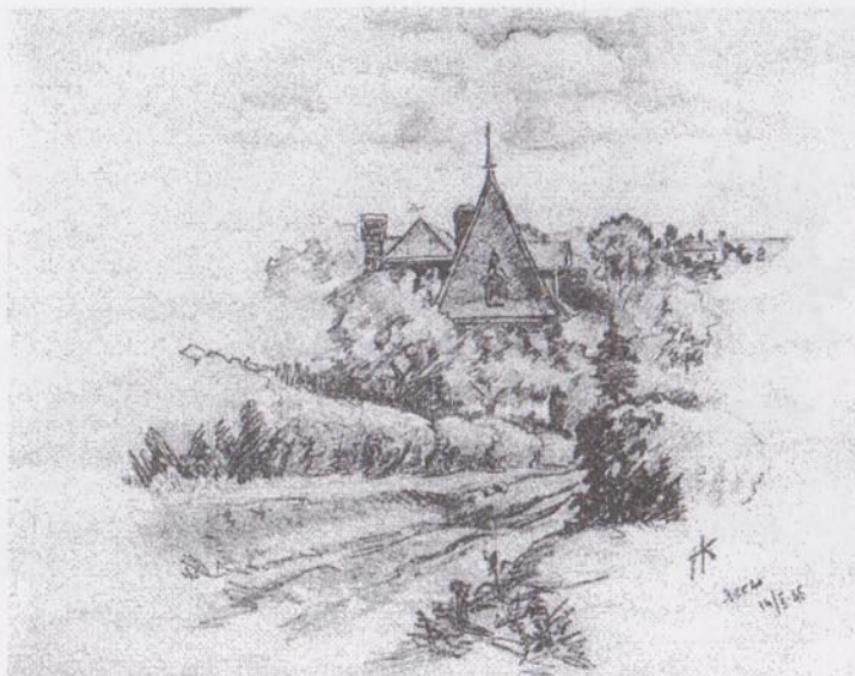

Январь 1946 г. Фокшаны. Румыния

Утром мы приехали в Фокшаны и Николаю пришлось обратиться в госпиталь. Там сделали противостолбнячный укол и перевязали по-настоящему. Николаю повезло, что пули прошли через мякоть и не задели кости. Рана быстро зажила.

К концу лета немцы закончили строительство гауптвахты и бани. Так случилось, что первыми узниками оказались я и сержант Стеценко. Это был хороший парень из Ашхабада, старше меня года на два-три. До войны Володя окончил педагогическое училище и начал преподавать в младших классах. Ему комендант поручил работу с пленными немцами, но Стеценко порекомендовал поставить на эту должность меня. Мы дружили и вместе ходили к знакомым девушкам-медсестрам из госпиталя, вместе выпускали стенгазету.

Однажды вечером пошли к девушкам в гости, а вернулись только рано утром. Вечером комендант пожелал

Из этюдов в Яссах. 1945 г.

узнать, готова ли стенгазета – а нас нет на месте. Утром за самовольную отлучку «влепил» нам по пять суток ареста. За немцами послали другого солдата. Они приходили смотреть на нас и дружно хохотали.

На работу нас, как своих, никуда не посылали, и мы целый день читали вслух книгу на немецком языке, принесенную немцами из лагеря. Это были воспоминания немца военнопленного о войне 1914-го года и пять суток прошли незаметно.

Вскоре в Румынии произошли важные события: король Михай I отрекся от престола и уехал с матерью Еленой в Англию. На выборах победил блок демократических партий, страна стала республикой. Нашу комендатуру из Фокшан перевели в городок Васлуй, потом в Сигет на реке Тисе, на границе с Советским Союзом.

Немцев из Фокшан отправили домой, но я долго их

Яссы. Румыния. 1945 г.

вспоминал: общение с ними много мне дало в смысле изучения языка. Многие работавшие у нас, были из разных районов Германии, и я имел возможность познакомиться с разными диалектами, наречиями (северогерманским, саксонским, баварским, берлинским и другими).

В конце октября пришел приказ о демобилизации солдат 1922-24-го годов рождения. Комендант построил взвод, поблагодарил нас за службу и сказал краткую речь о том, что «сегодня мы провожаем наших «ветеранов».

Нас отправили в город Яссы, там после бани выдали новое нижнее белье, новое обмундирование, сапоги, затем вручили каждому «сталинский подарок»: два килограмма белой муки и два килограмма сахара.

При той бедности, что ждала меня в Харькове, это был очень ценный подарок.

Поездом доехал до Одессы, где пересел на поезд «Одесса – Харьков» и в последних числах декабря, под

Яссы. Румыния. 1945 г.

Новый 1947 год, был уже дома.

Так закончилась эпопея, начавшаяся 25 октября 1940 года. Начиналась новая, мирная, послевоенная жизнь.

Альманах музея
Харьковской национальной академии городского хозяйства

Серия «Солдатские мемуары»

П. С. Каличенко

ветеран Великой Отечественной войны,
работал в ХНАГХ с 1983 по 1996 г.г. учебным мастером кафедры геодезии.

Документальная повесть

Каличенко Павел Семенович

ВОСПОМИНАНИЯ СОЛДАТА

Редактор *И.В. Вербицкая*

Дизайн обложки *В.В. Вербицкий*

Рисунок на обложке *П.С. Каличенко*

Карты-схемы боевых действий на Харьковщине
взяты из книги К.С. Москаленко «На Юго-Западном направлении»

Подписано к печати 12.04.2006. Формат 60x84 1/16 Бумага офисная.
Гарнитура Times NR Суг. Печать на ризографе. Усл. печ. л. 7. Усл.-изд. л. 7,02.
Зак. № 3170. Тираж 150 экз.

Сектор оперативной полиграфии ИВЦ ХНАГХ
61002, г. Харьков, ул. Революции, 12